

А. Т. Лукачевский

Я $\frac{161}{1533}$

**М а р к с и з м -
л е н и н и з м
как воинствующий
а т е и з м**

О Г И З
Л Е Н И Н
1 9 3 3

CH

9 $\frac{161}{1533}$

49 111

6 1644

125

18

9161
1533

~~49 III~~

А. Т. Лукачевский

Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм

М. 5/1734 Р. 10

1641

~~38-3521~~

Государственное антирелигиозное издательство

Москва — 1933

149

От автора

Настоящая брошюра не является новой работой. В основу ее легла глава «Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм» из учебника по диамату, вышедшего под редакцией тт. Митина и Разумовского. Некоторые места взяты из других работ автора, в которых прорабатывались им отдельные вопросы марксистско-ленинского учения о религии и борьбе с ней («Маркс и Энгельс о религии», «Ленинский этап воинствующего атеизма», «Социалистическое перевоспитание трудящихся и борьба против религии»). При переработке этого материала автор ставил себе задачей дать ответ с точки зрения марксизма-ленинизма по возможности на все главные вопросы по теории и истории религии, выдвигаемые в настоящее время антирелигиозной пропагандой, начиная от вопроса о зарождении религии в первобытном обществе и кончая вопросом о полном преодолении ее при коммунизме.

Издание этой брошюры было вызвано предложением Центрального заочного антирелигиозного института Наркомпроса РСФСР, а также многочисленными запросами и требованиями с мест о выпуске в свет работы, обобщающей марксистско-ленинское учение о религии, работы типа школьного пособия. Автор надеется, что настоящая брошюра хотя бы до некоторой степени удовлетворит острую потребность в подобной литературе.

8 декабря 1932 г.

33-9724
~~2-14594~~

2015202278

Марксистско-ленинское понимание религии

1. Марксистско-ленинская теория религии как единственно научная теория. Необходимость борьбы против буржуазных и ревизионистских теорий религии.

2. Религия как фантастическое отражение общественного бытия в общественном сознании. Вера в существование сверхъестественных существ — неотъемлемый признак религии. Извращенность общественных отношений, порождающая их извращенное религиозное отражение. Исторический, переходящий характер религии. Эксплуататорская роль религии.

3. Определение Плехановым формальной стороны религии. Религия, как система идей, чувств и действий. Просветительский подход Плеханова к религии.

4. Попытки затупевывания анимистического характера религиозных представлений. Определения религии Шлейермахером, Толстым. Аполететический характер этих определений и теорий, лежащих в их основе.

5. «Религия без бога» у Фейербаха, Дидгена, Луначарского. Богостроительство как форма буржуазного влияния на рабочее движение.

6. Социал-фашизм и религии. Разграничение социал-фашистами религии и церкви в целях оправдания религии. Союз социал-фашизма с церковниками против революционного движения.

Религия — это одна из идеологических надстроек, отражающая в извращенной форме общественное бытие человека. Религия оправдывает классовый гнет и эксплуатацию, провозглашая их божественными установлениями. Религия оправдывает все мерзости эксплуататорского строя, отвлекая трудящихся от классовой борьбы. А чтобы трудящиеся находили здесь, на земле, мнимое утешение, религия обещает им лучшую загробную жизнь. Вот почему Ленин писал, что религия — «одна из самых гнусных вещей, какие есть на свете»¹.

Попы и буржуазия стремятся убедить трудящихся в том, что религия не имеет классового, эксплуататорского характера.

¹ Ленин — Л. Толстой как зеркало русской революции.

Но, кто хочет бороться против религии, должен понимать ее действительную сущность, знать порождающие ее причины. Он должен бороться против неправильного и расширительного ее толкования, под которое защитники религии, чтобы обосновать ее незыблемость и вечность, пытаются подвести чуть ли не всю человеческую деятельность. Для этого надо четко выяснить основные элементы, из которых складывается религия, надо знать ее происхождение еще в первобытные времена и дальнейшее развитие в классовом обществе на базе социально-экономических отношений. На все это дает правильный ответ только единственно научная теория религии, созданная марксизмом-ленинизмом. Все другие (буржуазные и ревизионистские) теории только запутывают вопрос о религии. Поэтому бороться с религией — это значит бороться и против этих теорий.

Религия есть особое неправильное, фантастическое отражение в общественном сознании отношений людей друг к другу и отношений их к природе, которые на известных исторических ступенях складываются вне их сознательного контроля и под господством внешних, природных или общественных, условий. Это отражение общественного бытия принимает поэтому форму веры в существование сверхъестественного духовного мира, неземных могущественных сил, стоящих якобы над людьми: бога или богов, чертей, духов и т. п. В классовом обществе религия является орудием в руках эксплуататорских классов для защиты существующей эксплуатации и одурманивания эксплуатируемых классов.

«Религия есть не что иное, как фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневном существовании, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных, сверхъестественных», — писал Энгельс в «Анти-Дюринге». То же мы читаем у Ленина в статье «Социализм и религия»: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»

Вера в существование сверхъестественных существ и сил, в существование мира духов, одного или многих богов есть неотъемлемый признак всякой религии. Энгельс, возражая в «Людвиге Фейербахе» против фейербаховской попытки построить какую-то особую религию без анимистического¹ содержания, писал: «Если возможна религия без

¹ Анимистический — от слова „анимизм“ — вера в существование духов (от латинского anima — душа).

бога, то возможна и алхимия без философского камня». Как средневековая алхимия невозможна была без философского камня, так невозможна и религия без веры в бога. В то же время именно благодаря своему анимистическому содержанию религии играют классовую, эксплуататорскую роль. «Религия — опиум для народа», — таково основное положение марксизма-ленинизма в вопросе о религии. Ленин неоднократно в своих статьях подчеркивал эксплуататорскую сущность идеи бога. Особенно четко он ставит вопрос в этом отношении в письме к Максиму Горькому в декабре 1913 г.: «Идея бога всегда усыпляла и притупляла социальные чувства, подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не связывала личность с обществом, а всегда связывала угнетенные классы с верой в божественность угнетателей» (курсив Ленина).

Марксизм-ленинизм, рассматривая религию как одну из идеологий, выводя ее из определенных общественных отношений, подчеркивает ее преходящий, исторический характер. Неправильное, искаженное отражение общественных отношений в идеологии происходит тогда, когда сами общественные отношения неправильны и искажены. Как писал Маркс в знаменитой главе «Капитала» о «товарном фетишизме и его тайне», «религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным и планомерным контролем»¹.

Беспомощность и бессилие человеческого общества перед природой и общественными отношениями, бессилие и беспомощность эксплуатируемых классов в борьбе против эксплуататоров — вот что порождает и поддерживает религию². Класс эксплуататоров находит в религии орудие для защиты эксплуатации и для одурманивания трудящихся.

¹ См. также Ф. Энгельс — Анти-Дюринг, 1922, стр. 179, а также программу ВКП(б) § 13.

² Ленин — О социальных корнях религии в капиталистическом обществе, в статье „Об отношении рабочей партии к религии“, а также высказывания Маркса в „Критике гегелевской философии права“, стр. 3. Соч., т. I, 1923, „Капитал“, т. I, 1920, стр. 48. Энгельс — Анти-Дюринг, 1922, стр. 179.

Использование религии как орудия защиты эксплуатации и одурманивания эксплуатируемых — вот что питает, помимо других общих причин, религиозные настроения и в эксплуататорских классах.

«Все и всякие угнетающие классы, — писал Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять с этим господством, отваяживая их от революционных действий, подрывать их революционные настроения, разрушать их революционную деятельность».

«Когда общество, — говорит Ленин и в другой статье, — устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит лишения и «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно переносить земной ад ради небесного будто бы рая»¹.

Говоря о религии, совершенно необходимо иметь в виду оба указанных важнейших ее отличительных признака, неразрывно связанных между собой: ее классовое содержание, классовую, эксплуататорскую роль и ее мистическую форму, содержащийся в религии анимизм, веру в бога, в сверхъестественные силы. Забывая о классовой роли религии, мы становимся на позиции буржуазных «свободомыслящих» и «просветителей». Если к тому же упустить из внимания веру в божество как важнейший признак религии и называть религией самые разнообразные чувства и идеи, то легко стать на путь примирения с религией.

Религия складывается из трех элементов — религиозных или мистических идей, из настроений, или чувств и действий, или обрядов. «Религию, — говорит по этому поводу Плеханов, — можно определить как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии, настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения, или, как говорят иначе, культа». Плеханов далее показывает, что мифологический элемент в религии является по своему содержанию аними-

¹ Ленин — Брак II Интернационала. Политика, агитация и классовая точка зрения.

стическим, но что анимистические идеи сами по себе еще не составляют религии. Только в соединении с известными действиями и чувствами они являются религией¹.

Необходимо отметить, что Плеханов, обстоятельно раскрыв формальную сторону религии, очень мало говорит об ее классовой сущности. В этом отношении, как и в вопросах борьбы с религией, он не только не развивает дальше положений Маркса и Энгельса, как это сделал Ленин, но по существу дела стоит на просветительской точке зрения, подобно буржуазным свободомыслящим, борющимся с религией, но не доводившим свою борьбу до признания ее классовой роли.

Подход, далекий от марксизма, характерен для Плеханова в вопросе о первобытной религии и о религиях классового общества. Так например, возникновение государственных религий Плеханов изображает в следующих чертах: раз возникло правительство, возникают известные отношения между правящими и управляемыми. За правящими признается обязанность заботиться о благосостоянии управляемых; за управляемыми признается обязанность подчиниться правителям. Кроме того там, где существуют определенные законы, естественно существуют также их профессиональные хранители: законодатели и судьи. И все эти отношения между людьми получают (почему?! — А. Л.) свое фантастическое выражение в религии. Боги становятся небесными царями и небесными судьями.

В этих соображениях Плеханова ни слова не сказано о классовой роли религии, о развитии ее в процессе классовой борьбы. Плеханов подходит к религии прежде всего и по преимуществу как неправильной теории о природе и обществе, забывая ее классовую, эксплуататорскую роль. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» писал:

«Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса». Плеханов же по поводу анкеты, предпринятой журналом «Социалистическое движение» по вопросу об отношении социалистических партий к клерикализму, переводит вопрос в другую плоскость. — «А теория — современный научный социализм, — говорит он, — отвергает религию как порождение ошибочного взгляда

¹ Плеханов — О так называемых религиозных ископиях в России, т. XVII, стр. 261.

на природу и на общество и осуждает ее как препятствие для всестороннего развития пролетариата»¹. Это не марксистско-ленинская установка, а просветительский подход. Этот просветительский подход тесно связан со всем учением Плеханова о религии.

Однако еще дальше отстоят от правильного марксистского понимания религии попытки рассматривать ее, отвлекаясь не только от ее классовой роли, но и от присущей ей анимистической идеи бога. Эти попытки ведут к защите религии, к увековечению религии, как чего-то неизбежного и необходимого для человеческого общества. В таких случаях обычно берется какая-либо одна сторона религии, какая-либо одна ее черта. Имеются например буржуазные определения религии, которые рассматривают чувство как основной и определяющий момент религии. Немецкий пастор Шлейермахер, выступивший в начале XIX столетия в защиту религии, утверждал, что «истинная религия есть чувство и вкус к бесконечному». Шлейермахер даже утверждает, что каждое здоровое чувство есть по существу религиозное чувство, например чувство любви между супругами. В работе ученого, открывающего в частных явлениях общие законы, Шлейермахер опять видит стремление к вечному и бесконечному, т. е. открывает религию. Отсюда, разумеется, Шлейермахеру ничего не стоит заявить о вечности и неистребимости религии.

Такой же апологетический характер имеет и попытка Льва Толстого отождествить свою религию с моралью. Во всякой более или менее развитой религии мы находим элементы морали: религия направляет действия людей в какую-либо сторону, воспитывая в них определенные настроения. Но это отнюдь не значит, что мораль как таковая сама по себе составляет религию. Мораль может существовать и независимо от религии. Известные нормы поведения будут существовать и в коммунистическом обществе. Лев Толстой смотрит иначе; во всех религиях он пытается найти одно и то же нравственное учение, которое и считает основой религии. Толстой не видит, что мораль обуславливается общественным развитием, что с изменением социально-экономических отношений меняется и мораль. Вопреки фактическим данным Толстой утверждает, что мораль неизменна, вечна, абсолютна, не зависит от общества. Исходя из этой неверной предпосылки, Толстой делает вывод, что есть

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 378—379.

вечный дух, который и есть самая мораль (любовь или добро, как говорит Толстой). Отсюда же он делает вывод о ценности и вечности религии.

Необходимо остановиться на ошибках Фейербаха, Иосифа Дицгена, Луначарского в вопросе об определении религии. Они считали, что вера в сверхъестественный мир не является неотъемлемым признаком религии, что может быть «религия без бога», т. е. без анимистического содержания. Великий материалист XIX в., предшественник Маркса и Энгельса, Людвиг Фейербах, нанес немало сокрушительных ударов религии. Фейербаховская критика христианства, самый принцип сведения сущности религии к сущности человека для своего времени явился революционным фактом не только для научной мысли, но и для политической жизни Германии. Но самого человека Фейербах понимал идеалистически, абстрактно, беря его вне времени и пространства. Фейербах в объяснении происхождения и развития религии исходит не из общества, а от человека вообще. Абстрактный, изолированный человек Фейербаха — какая-то «неизменяемая сущность». Такая постановка оставляет лазейку поповщине. Защитники религии могут в таком случае заявить, что раз есть неизменная человеческая сущность, то почему не быть и более высокому абсолюту — богу. Вместе с тем Фейербах считал, что религия останется, но она не будет больше верой в существование бога. Фейербах утверждает, что основой религии является чувство.

По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве сердечное отношение между людьми — отношение, которое до сих пор старалось найти свое истинное содержание в фантастическом отражении действительности в виде веры в бога, а теперь непосредственно и прямо находит его в любви между «я» и «ты». Религия, очищенная и преобразованная, возводится таким путем в вечную категорию, поскольку отношения людей, основанные на взаимной склонности: любви, дружбе, сострадании и т. д., будут всегда существовать.

Свои взгляды Фейербах основывал между прочим и на филологическом анализе самого слова «религия». Слово «религия» происходит из латинского языка или от глагола «religare» (связывать, соединять), или от глагола «religere» (перечитывать, почитать). В первом случае «религия» означает «союз» (подразумевая — между людьми и богом), во втором «почитание», «культ». Фейербах брал первое толкование. Энгельс выступил с резкой критикой попытки Фейербаха сохранить религию, против его филологических приемов. Он

писал: «Фейербах вовсе не хочет упразднить религию, он хочет дополнить ее».

Насчет же самого слова «религия» Энгельс замечает: «Подобные этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем долгого исторического употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной».

Пролетарский материалист-философ Иосиф Дицген, а позже за ним А. В. Луначарский пытались отождествить социализм с религией. Дицген, сам боровшийся с научной поповщиной, в то же время писал в «Религии и социал-демократии»: «До сих пор религия была уделом пролетариата. Теперь, наоборот, дело пролетариата приобретает характер религии, т. е. становится догмой, воспринимаемой верующими всем сердцем и всей душой». Религия таким образом идеализируется Дицгеном и попадает в разряд вечных категорий. Тов. Луначарский в эпоху реакции, после революции 1905 г., увлекался упадочными идеями «богоискательства», заявляя без всяких обиняков: «Итак мы утверждаем, что религия жива и будет вечно жить». Он считал, что марксисты должны «обожать» высшие потенции человечества — «всесознание, всеблаженство, всемогущество», видеть в них «бога». Здесь ошибка т. Луначарского заключается прежде всего в том, что он берет человечество абстрактно, а не в историческом развитии, приписывает человечеству врожденные абсолютные «потенции». Все это — идеалистический подход. Далее, ошибка т. Луначарского в том, что он оставляет слова «религия», «бог», но пытается придать им новое толкование вместо обычного, исторически выработанного. Учение о классовой борьбе пролетариата т. Луначарский рассматривал как религию, а не как науку; он стоит в те времена на позициях махизма, который отрицает объективный характер законов в природе и общественной жизни и стоит на точке зрения релятивизма, абсолютной относительности научных выводов. Луначарский писал о науке: «В сущности наука вообще не имеет в себе гарантии безусловности своих законов». Милль¹ прав в этом отношении, говоря: «Земля и через 10 лет и через 100 лет будет вращаться вокруг своей оси, — мы выражаем лишь величайшую степень вероятности»². Поэтому и в социализм, по тогдашней теории Луначарского,

¹ Джон Стюарт Милль (1809—1873), английский философ и экономист. Отрицал возможность познания мира.

² А. Луначарский — Социализм и религия, стр. 41—47.

можно лишь верить, можно верить в великие потенциальные силы человечества, но научно доказать победу социализма нельзя.

Ленин считал увлечение богостроительством и призывы к «социалистической религии» величайшей пошлостью.

Социал-фашистские теоретики, оправдывая отказ своей партии от антирелигиозной борьбы, полное примиренчество и поддержку религии, не могут конечно пользоваться марксистским понятием религии. Каутскому например нет никакого дела до того, как определяли религию Маркс и Энгельс. Еще в старое время, в 1902 г., Каутский писал в статье «Социал-демократия и католическая церковь»: «Понятие религии очень неопределенное и изменчивое, число ее определений — легион». «Однако, — продолжает дальше Каутский, — все эти различные определения можно свести к двум определенным типам. С одной стороны, словом религия обозначают индивидуальное душевное состояние, возвышение личности над ее преходящими интересами, в своем роде этический, какой-то чрезмерный идеализм». «С другой стороны, — продолжает далее Каутский, — под религией понимают историческое массовое явление, картину мира, к которой массы приходят не через свой личный опыт, но иным путем, а именно со слепой верой принимают ее от какого-нибудь стоящего над ними авторитета и делают ее нормой своих мыслей и стремлений». Таким образом по Каутскому существуют два вида религии. «Религия, как задушевное дело отдельного человека, а значит как частное дело, с одной стороны, и исторически возникшие массовые религии, представляющие общественный продукт, не только весьма различны между собой, но сплошь да рядом очень плохо ладят между собой, так как, в то время как первая не признает никакой другой руководящей нити для этических и духовных переживаний кроме собственной совести, вторые требуют подчинения всяческой совести какому-нибудь общественному авторитету, притязающему на сверхчеловеческое происхождение». Все эти высказывания ничего общего не имеют с марксизмом. Каутский идеализирует религию. Рассматривая «массовую религию» как общественный продукт и ничего не говоря в то же время про «другую» религию, он этим самым приписывает последней сверхъестественное происхождение, вне времени, вне исторических условий. Это не марксизм, а поповщина. Каутский создает теорию двух религий, чтобы оправдать и защитить религию вообще: одна религия «внутренняя», другая «внешняя». Первая религия — явление якобы возвышенное, этическое, вполне

соединимое с социализмом. Именно по этой схеме писал Каутский свою историю первоначального христианства. Само по себе христианство — якобы движение революционное, коммунистическое, против христианства как такового бороться не надо. Все зло в клире, церковной организации.

В статье «Социал-демократия и католическая церковь» Каутский так формулирует это противопоставление между религией и церковью: «Несмотря на то, что социал-демократия всякое религиозное убеждение считает и объявляет, как частное дело каждого отдельного человека, несмотря на то, что учение евангельского христианства соединимо с нашими целями, наталкивается она в своей борьбе на враждебность того авторитета клира, которым пользуется католичество как массовая религия».

Идеализация религии, сопоставление ее с социализмом проходит также через ряд работ других социал-демократических писателей. При этом продельвается тот же самый фокус с религией: религия объявляется системой нейтральной по отношению к классовой борьбе, она-де только содержит неправильные, ненаучные мысли о природе. Все скверное, контрреволюционное, что имеется в религии, — это собственно относится не к религии, а к церкви. Значит, надо направить борьбу не против религии, а против церкви. Такого рода установки особенно яркое выражение нашли в последние годы. Несколько лет назад социал-демократические партии пересматривали свои программы. Австрийская социал-демократическая партия рассматривала свою программу на Линдском партийтаге. Этот пересмотр коснулся также вопроса об отношении партии к религии. Опортунистическая формулировка Эрфуртской программы получила дальнейшее углубление и развитие в сторону оппортунизма.

Лидер австро-марксистов Отто Бауэр выпустил специальную брошюру под названием «Социал-демократия, религия и церковь», чтобы затушевать измену марксизму и рабочему классу и в вопросе религии, которую совершили социалфашисты в Линце. Делает это он при помощи противопоставления религии и церкви. «Папа, кардиналы, епископы, прелаты — это церковь. Бедный мелкий крестьянин, который, когда тучи заволакивают небо и град грозит уничтожить урожай на поле, результат тяжелой годовой работы, складывает руки и умоляет: «хлеб наш насущный дай нам днесь» — это религия. Могущественная организация господства, дипломаты которой пребывают при всех дворах, князья которой руководят огромными партиями и влияют на судьбы

государств, — это церковь. Мать, которая у кровати своего больного ребенка ищет утешения и спасения в пламенной молитве к матери бога, — это религия. Искусно нагроможденные в течение столетий басни догматического богословия, — это церковь. Скромная легенда, которую мать рассказывает своему ребенку, — это религия». Таким образом, по Бауэру, религия ничего общего не имеет с классовой борьбой. Ведь это очень невинно и трогательно, когда мать, склонившаяся над изголованным своего больного ребенка, рассказывает ему божественную сказку.

И поэтому, когда рабочий класс переносит свою ненависть на религию, он совершает ошибку. Виновата во всем церковь, а не религия. Мы находим на стр. 21 этой книжки такое бесподобное место:

«Капитализм принуждает рабочего к классовой борьбе, но в классовой борьбе рабочий натывается на клир, на служащих своего классового противника. Рабочий переносит свою ненависть против церковников на самую религию, именем которой церковники защищают буржуазный общественный строй». По Бауэру выходит, что рабочие совершенно неправильно нападают на религию, которая здесь совершенно не при чем. Эти положения Бауэра оправдывают в то же время и конкордаты с католической церковью. Почему не заключить конкордат, если можно путем повышенной оплаты заставить духовенство служить в интересах рабочего класса? Разумеется, здесь совершается социал-фашистами двойной обман. Получая деньги от государства, церковники продолжают служить буржуазии, а не кому-либо другому, как это уверяют социал-фашисты. И дело не только в церкви, но и в самой религии.

Маркс и Энгельс нигде не говорили, что есть два вида религии — какая-то внутренняя религия и внешняя. Религия как определенная система идей, настроений и обрядов является контрреволюционной силой, враждебной пролетариату. Церковь играет контрреволюционную роль только потому, что есть религия, затемняющая классовое сознание трудящихся религиозными небылицами. Марксизм-ленинизм не разделяет в данном случае религии и ее аппарата, церкви. В этом отношении характерны слова Ленина: «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса».

В настоящее время также нередки случаи, когда буржуазные ученые и белогвардейцы называют марксизм-лени-

низм религией, а коммунистическую партию — религиозной сектой. Здесь совершенно неверно за признаки религии и притом основные берутся такие факты, как дисциплина, борьба за идею и т. п. Грубую ошибку также делают те буржуазные мыслители, которые хотят видеть в науке религию будущего. Так Гюйо в своей книге «Безверие будущего» писал: «Мы можем сказать, что наука — это религия, которая возвращается к действительности, вновь находит свойственный ей путь, вновь находит, так сказать, себя самое» (стр. 186). При таком отождествлении религию лишают самого основного ее признака — веры в существование сверхъестественного мира. Лишь марксистско-ленинское понимание религии является единственно научно правильным и превращается поэтому в могущественное орудие в борьбе пролетариата против религии и церкви.

Диалектический материализм как философское обоснование атеизма

1. Идеализм как «утонченная, рафинированная форма религии» (Ленин) и как философское обоснование ее. Агностицизм как разновидность идеализма.

2. Диалектический материализм — единственно научное, последовательно атеистическое мировоззрение.

3. Несоостоятельность механистического материализма в деле полного преодоления идеализма и религии. Невозможность объяснения с точки зрения механистического материализма проблемы развития, проблемы отношения мышления и бытия и т. д. Механистический материализм как главная опасность на философском фронте на данном этапе.

4. Меньшевистствующий идеализм деборинской школы и его примечательное отношение к религии.

Религия в невежественной и извращенной форме дает ответы на целый ряд коренных вопросов, связанных с мировоззрением человека. Вопросы, которые наукой разрешались в течение нескольких тысяч лет, как то: о происхождении мира, земли, животных и человека, о том, что лежит в основе мира — материя или дух, о соотношении бытия и мышления, об общественном устройстве и т. д. — на все эти кардинальные вопросы религия отвечает: бог так сделал потому, что он так хотел.

Религия, провозглашающая бытие духовного мира, находит себе поддержку в идеалистической философии, в то время как материализм является ее непримиримым врагом. Идеализм утверждает, что в основе всего лежит духовное начало, что дух предшествует природе, материализм же учит, что в основе всего лежит материя, что мышление есть свойство материи, высоко организованной материи. Как учит диалектический материализм. Таким образом всякая идеалистическая философия содержит в себе, подобно религии, анимистический элемент, веру в существование духов-

ного мира. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс пишет: «Уже в средневековой схоластике игравший большую роль вопрос о том, как относится мышление к бытию, что чему предшествует: дух природе или природа духу, — этот вопрос, на зло церкви, принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом или он существует от века. Философы разделились на два большие лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые следовательно так или иначе признавали сотворение мира, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает еще более нелепый и запутанный вид, чем у правоверных христиан, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма. Идеалистическая философия, будучи сама по себе в корне несостоятельной, дает якобы «научное», «философское» обоснование религии. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» прямо говорит, что идеализм — это «только утонченная, рафинированная форма фидеизма», т. е. религии. Таким образом всякая уступка идеализму — есть поддержка поповщине, поддержка религии. Именно с этой стороны подходит Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» к критике философии Богданова; Ленин показал, что попытка Богданова соединить материализм с идеалистической философией Маха и Авенариуса привела самого Богданова в болото поповщины. Есть два лагеря в философском мире: идеализм и материализм. Ничего среднего третьего не может быть. Всякая философия, провозглашающая невозможность познания первоосновы мира, отказывающаяся дать ответ на этот кардинальный вопрос, в настоящее время, когда правильность материализма подтверждается каждым новым достижением науки, — играет реакционную роль, является прямой поддержкой поповщины. При полном господстве религиозной догмы всякое критическое заявление, в форме ли скептицизма, в форме ли агностицизма (от греческого *agnosco* — не знаю), подрывало в известной мере незыблемый до того авторитет церкви.

Энгельс в своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» называет английских агностиков стыдливими материалистами. В данном случае английские ученые боялись заявить открыто о своих материалистических выводах и прятались за агностицизм. По своему содержанию философия агностицизма является безусловно идеалистической. Провозглашая невозможность познания действительного мира, отделяя объективно существующий мир от познающего субъекта.

непереходимой стеной, отрывая таким образом мышление от бытия, агностицизм придает мышлению самостоятельное существование. Агностицизм таким образом отправляется от мышления, от «я», от духа — а это и есть идеалистическая установка.

Не разрешая основного вопроса о взаимоотношении мышления и бытия, пытаясь доказать принципиальную невозможность самого разрешения этого вопроса, агностицизм предоставляет решать этот вопрос вере, являющейся основным методом религиозного мышления. Агностицизм Канта в «Критике чистого разума» прекрасно уживается с его религией в «Критике практического разума». В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин останавливается на борьбе И. Дицгена против «дипломированных лакеев поповщины», против примиренческих шарлатанов со всякими кличками спиритуалистов, сенсуалистов, реалистов и т. д. и т. п. «Научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие к прямой поповщине, — писал он, — серьезнейшим образом стремится подсобить религиозной поповщине». «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа является такой вшивой ямой, в которую кладет яйца и та и другая поповщина»¹.

Философия материализма наносит сокрушительный удар религиозному мировоззрению. Как пишет Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии»: «Материализм беспощадно враждебен религии». Материализм безусловно отрицает существование сверхъестественного мира духов. Провозглашая вечность материи и ее движения, материализм делает ненужной идею «сотворения» мира. Материализм раскрывает господствующие в природе и человеческом обществе законы причинности, что разбивает веру в возможность каких бы то ни было чудес. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин приводит рассуждения епископа Беркли по поводу материи. «На основе учения о материи, или телесной субстанции, — говорит он (т. е. Беркли. — А. Л.), — воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицание религии... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, — и все здание неминуемо развалится».

Правильность философии диалектического материализма

¹ Ленин — Материализм и эмпириокритицизм, гл. VI, § 4.

подтверждается всем развитием науки и техники. В свою очередь диалектический материализм является мощным орудием в исследовании природы, в овладении и подчинении ее человеческому обществу, что еще раз подтверждает его правильность. Общественная практика, революционная борьба пролетариата, победоносное строительство социализма в Стране советов являются блестящим доказательством верности учения марксизма-ленинизма, а следовательно и диалектического материализма, на основе которого марксизм-ленинизм строит свое учение об обществе и борьбе пролетариата.

В старом предисловии к «Анти Дюрингу» Энгельс дает такую величественную, диалектико-материалистическую картину вечного круговорота материи.

«Материя движется в вечном круговороте, завершающем свою траекторию в такие промежутки времени, для которых наш земной год не может служить достаточной единицей; в круговороте, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и еще более жизни сознательных существ столь же скудно отмерено, как пространство в жизни и в самосознании; круговороте, в котором каждая отдельная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но, как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы бесчисленных солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни приходилось ждать, пока в какой-нибудь солнечной системе, на какой-нибудь планете не появятся условия, необходимые для органической жизни; сколько бы бесчисленных существ ни должно было погибнуть и возникнуть, прежде чем из их среды разовьются животные с мыслящим мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — мы все же уверены, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, — она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время».

Но только *диалектический* материализм является до

конца последовательной теорией атеизма, т. е. безбожия. Механистический материализм не может дать правильной, завершенной теории атеизма; будучи не в силах разрешить ряд вопросов, он оставляет место для лазеек попущине. История атеизма показывает, что защитники религии пытались опровергнуть правильность материализма, исходя из критики *механистических* установок некоторых атеистов.

Возьмем например проблему *развития*. Защитники религии в многообразии мира, в закономерности его явлений видят доказательство бытия бога. Существуют так называемые «доказательства» бытия бога: космологическое и телеологическое. Первое сводится к утверждению, что мир сам по себе не мог ниоткуда взяться и поэтому его сотворил бог; второе «доказательство» состоит из утверждения, что бог обязательно существует, так как в мире все устроено прекрасно и целесообразно. Как же разрешается проблема развития в диалектическом материализме и механистическом материализме? С точки зрения диалектического материализма многообразие мира есть результат сложного его развития с переходом одних качеств в другие, причем качества имеют свои специфические законы. Другую картину развития дает механистический материализм. Проблема перехода количества в качество и обратно, проблема «скачка» устраняется механистическим материализмом. Все сводится к механистическому движению молекул, атомов, электронов, из этого движения надо суметь объяснить в конце-концов и жизнь общества, так как весь мир по существу представляет одно качество.

При такой точке зрения нет необходимости в развитии, в эволюции как таковой, все дело сводится к механическому соединению атомов. Это соединение может произойти как в одно мгновение, так и в течение веков, тысячелетий. Механический характер такого соединения не устраняется из-за продолжительности срока. Но в таком случае весь мир с его величайшим многообразием объясняется как результат какого-то случайного соединения материи. Так например, великие материалисты древности, боровшиеся против религии, Демокрит и Эпикур стояли на механистической точке зрения по вопросу об образовании мира.

В XVIII столетии атеист Гольбах тоже выводил все многообразие мира из механического движения материи, не указывая перехода одного качества в другое и возникновения особых, принципиально различных между собой форм движения. На той же в сущности точке зрения стоят и

современные механисты — например т. И. И. Степанов и др. Еще в древности был придуман защитниками религии против механистической теории мира следующий аргумент. Из простого сцепления атомов не может получиться столь сложный и многообразный мир, подобно тому как не получится гомеровская «Илиада», как бы ни перемешивать между собою те буквы, из которых она состоит. Необходимо творческое начало, мировой разум в качестве устроителя вселенной.

Возьмем далее механистическое разрешение проблемы взаимоотношения бытия и мышления. История материализма знает несколько способов механистического разрешения этой проблемы. Сущность их сводится опять-таки к отрицанию «качества», к отрицанию «скачка», к неумению понять такое единство противоположностей, как единство бытия и мышления. Греческие материалисты Демокрит и Эпикур единство противоположностей свели к тождеству мышления с бытием. Мышление они рассматривают как результат движения атомов «духа», наиболее подвижных и легких, напоминающих собой атомы огня. Процесс познания они объясняют тем, что излучаемые предметами изображения попадают в человека и соответствующим образом действуют на «дух» и «душу». Сновидение есть результат действия этих же изображений. Следовательно можно сделать вывод: раз человек видит во сне богов, значит они действительно существуют. Так благодаря механистическому размышлению проблемы взаимоотношения бытия и мышления Демокрит и Эпикур оставляли лазейку поповщине, хотя в их несовершенной постановке вопроса нельзя не видеть «гениальной догадки и указания пути науке, а не поповщине», как указывает Ленин.

Возьмем, дальше, атеизм Спинозы. Там, где выпирает наружу механистический материализм Спинозы, там усиливается значение теологических, богословских привесок его философии. Проблему мышления и протяжения Спиноза разрешает механистически. Выводя атрибуты из единой субстанции, Спиноза утверждает, что каждый атрибут, — в том числе и мышление, — в своем роде первичен и бесконечен, не может быть выведен или объяснен из другого. Категория скачка, переход количества в качество, единство противоположностей в спинозовском учении об атрибутах устраняется. Отсюда утверждение о всеобщей одушевленности материи, из чего защитники религии пытаются сделать вывод о вечности и самостоятельности мышления, т. е. духовного мира.

Следуя идеализму Гегеля, и меньшевистствующий идеализм Деборина, разумеется, тоже не смог дать законченной системы атеизма. Деборинская школа не сумела гегелевскую идеалистическую диалектику перевернуть с головы на ноги, понять ее материалистически. У Гегеля саморазвивающаяся идея содержит сама в себе все категории, как подобает абсолютному разуму, т. е. господу богу, с которым Гегель отождествляет идею. Нельзя было просто без материалистической переработки принять гегелевский метод, как это сделали деборинцы. Отсюда формальный, идеалистический подход деборинцев к категориям, подчеркивание их саморазвития, т. е. постоянное абстрагирование их от действительности. Отсюда отождествление действительности бытия с идеями о бытии, что вносило в работы деборинцев дух поповщины, несмотря на материалистическую терминологию. Не преодолев материалистически гегелевской диалектики, деборинцы не могли разбить до конца механистического материализма и не могли, разумеется, дать законченной системы атеизма. Только диалектический материализм, марксистско-ленинская философия, опирающаяся на все достижения научного знания, дает логически законченную систему атеизма, не оставляя ни одной лазейки для поповщины.

Религия доклассового общества

1. Безрелигиозный период в истории доклассового общества (эпоха первобытного стада).

2. Первобытная религия как фантастическое отражение бессилия дикаря в борьбе с природой и связанности всех отношений людей первобытного общества. Анимизм и магия — первобытная форма религии.

3. Внезапные поводы к возникновению веры в душу и духов; сновидения, обмороки, наблюдения над издыхающими животными и т. д. Социально-экономическая обстановка, создавшая условия для их влияния на выработку идеи души.

4. Разделение труда в половозрастной коммуне. Экономические отношения в половозрастной коммуне. Запреты и пищевые ограничения, поддержка и освящение их первобытной религией.

5. Первобытная магия. Виды ее. Происхождение магии на почве социально-экономических отношений половозрастной коммуны.

6. Критика буржуазных теорий возникновения религии. Происхождение анимизма по идеалистическим теориям Тэйлора и Спенсера, Вундта, Фрезера. Ошибки Плеханова. Теория Кунова. Механистическая теория Степанова. Авторитарная теория Богданова. Натуралистическая теория происхождения религии (Макс Мюллер). Прамонотеизм и преанимизм. Биологические теории происхождения религии (Фрейдизм, теория страха смерти).

7. Тотемизм. Религиозные верования современных австралийцев как фантастическое отражение общественных отношений распадающейся половозрастной коммуны. Реакционная роль тотемизма.

8. Дальнейшее развитие религии. Религии родового общества. Культ духа-первопредка. Боги природы.

Диалектический материализм дает не только философское обоснование атеизму, он не только опровергает бытие какой то особой духовной субстанции, но и является вернейшим методологическим орудием в разрешении вопроса, как появилась самая вера в существование мира духов. Марксистско-ленинская теория происхождения и развития религиозных верований среди всех других теорий является единственно правильной, логически законченной атеистической теорией. Теории происхождения религии, основанные не на

диалектическом материализме, так или иначе неизбежно несут в себе идеалистические червоточины и открывают лазейки для поповщины.

Марксистско-ленинская теория происхождения и развития религии всецело связана с учением исторического материализма о взаимоотношении между базисом и надстройкой, между социально-экономическими отношениями и общественным сознанием. Энгельс в речи на могиле своего друга характеризует открытие Марксом закона общественного развития следующим образом: «Как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, скрытый до последнего времени идеологическими наслоениями факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде, чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д., и что следовательно производство непосредственных материальных средств жизни, а вместе с этим та или иная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, на которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они должны быть объяснены, между тем как до сих пор делалось как-раз наоборот».

В введении «К критике политической экономии», являющемся сжатым изложением основ исторического материализма, Маркс писал:

«В общественном отправлениях своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собою процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание».

Исторический материализм развертывает свое учение об обществе на основе диалектико-материалистической философии. Нельзя разрывать марксистско-ленинское учение об обществе и диалектический материализм друг от друга, — они составляют одно органическое целое. Ревизионисты, как например социал-фашистские теоретики Макс Адлер, Отто

Бауэр, Каутский и другие, пытаются произвести подобную операцию. Так например, Отто Бауэр в упомянутой уже выше брошюре «Социал-демократия, религия и церковь» пытается найти оправдание религии с философской стороны.

— Можем ли мы говорить, что в религии не содержится никакого зерна истины? — спрашивает он. Оказывается, с философской точки зрения этого нельзя говорить. Помимо материализма, есть и другие философские системы, которые на религию смотрят не так отрицательно, как материализм. Что касается исторического материализма, заявляет Бауэр, то можно придерживаться учения Маркса об обществе, не будучи в то же время последователем материалистической философии. В качестве примера он приводит двух Адлеров: одного махиста — Фридриха и другого неокантианца — Макса. Они якобы последовательно проводили марксистские взгляды в учении об обществе, будучи идеалистами.

Уже после того, как об этом писал Бауэр, спустя 4 года, в 1930 г., Макс Адлер пишет даже целый учебник о материалистическом понимании общества, в котором выступает против философско-диалектического материализма, заявляя при этом, что он за исторический материализм. Подобную же фальсификацию марксизма совершают сейчас и социал-фашистские «вожди» фрейденкерства (свободомыслия) — Гартвиг и др. Чтобы оправдать свое объединение с буржуазными свободомыслящими, стоящими на платформе идеалистической философии и борющимися с материализмом, Гартвиг, подобно Отто Бауэру, Макс Адлеру, заявляет, что с историческим материализмом соединима любая философия. Но можно ли говорить об материалистическом понимании общественного развития, если в то же время утверждать, что природа и человеческое общество — это только производное от духа, что в основе всего лежит духовное начало? Или как можно устанавливать законы общественного развития и какую ценность будут иметь эти законы, если в то же время стоять на точке зрения невозможности познания истинного бытия, познания действительности? Ведь в таком случае исторический материализм будет учением о законах не действительного человеческого общества, а только наших мыслей, наших представлений об обществе. Установки Адлера, Бауэра и подобных им являются не чем иным как полнейшей капитуляцией перед поповщиной, попыткой проталкнуть поповщину в исторический материализм. Ясно, что с их точки зрения нельзя дать законченной, в полном смысле атеистической теории религии, так чтобы само объяснение происхождения религии било по идеализму, по попов-

щине, по вере в бога. Такую законченную, боевую атеистическую теорию происхождения и развития религии дает марксизм-ленинизм.

В «Капитале» Маркс писал про староазиатское и античное общества: «Эти старые общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны по своему устройству, чем буржуазный... Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта реальная связанность отражается идеально в древних естественных и народных религиях».

Религия, как показывают праархеологические и этнографические данные, возникла еще в доклассовом обществе, в эпоху первобытного коммунизма. «Реальная связанность», о которой говорит Маркс в связи с староазиатским и античным обществом, является отличительной чертой и у первобытного общества, где налицо беспомощность первобытного дикаря перед силами природы и гнет естественно-родовых связей. Первобытная община в борьбе против природы и других общин связывает деятельность своих членов сотнями запретов (табу), регулирует каждый их шаг. Первобытная религия является фантастическим отражением бессилия людей перед природой, отражением «связанности» всех их отношений и к природе и друг к другу, фантастическим отражением «несовершенства бытия».

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал:

«В настоящее время каждая религия является не чем иным как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных. В начале истории этому отражению подвергаются прежде всего силы природы...» Эту самую мысль Ленин выразил в статье «Социализм и религия» следующим образом: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» Само собой разумеется, что здесь Энгельс и Ленин говорят не об отдельном каком-либо дикаре, а говорят об отношении первобытного общества к природе. Но определенное отношение первобытного общества к природе оказывало влияние и на отношения людей друг к другу. По этому поводу мы читаем у Маркса и Энгельса в

«Немецкой идеологии»: «Здесь сейчас же видно, что эта естественная религия, или это определенное отношение к природе, обуславливается общественной формой и обратно. Здесь обнаруживается тождество природы и человека, которое обуславливает сознательным отношением людей к природе их сознательное отношение друг к другу и их сознательным отношением друг к другу их сознательное отношение к природе».

Таким образом в первобытном обществе, как и в позднейших экономических формациях, основой для возникновения религии является общественное бытие и социально-экономические отношения. Это не значит, что для всех моментов первобытной религии, например для тех или других магических обрядов, нужно искать обязательно объяснения в экономических причинах. Но все эти «первобытные глупости», как выражается Энгельс в письме к Конраду Шмидту¹, могли удержаться в системе идеологии только на почве первобытных общественных отношений. Они играли определенную социально-экономическую роль, поддерживая и закрепляя в первобытной общине «связанность» отношений людей друг к другу и к природе.

В какие же внешние формы выливалась первобытная религия?

Религиозные верования австралийцев, являющихся в настоящее время наиболее отсталым народом на земном шаре и имеющих тотемистическую организацию общества, представляют собой тотемизм, тесно связанный с анимизмом, с одухотворением всех предметов и с магией. Поскольку тотемизм — культ предков в виде животных или растений — является идеологической надстройкой над довольно сложными уже экономическими отношениями и безусловно представляет собой явление более позднее, чем анимизм, мы можем сделать вывод, что именно анимизм и магия составляли первобытную форму религии. К этому выводу нас заставляют притти и археологические раскопки наиболее ранних погребений, свидетельствующих о наличии веры

¹ Энгельс в этом письме от 27 октября 1890 г. писал:

„В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. лежит по большей части отрицательно-экономическое. Низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же хотя экономическая потребность была главной пружиной двигающегося вперед познания природы и с течением времени все более становилась такой пружиной, все же было бы педагогством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин“.

в существование после смерти. Анимистические представления и первобытная магия должны были возникнуть на базисе низкого экономического состояния первобытной общины, они являлись отражением бессилия общины перед природой, отражением того гнета, в котором держала первобытная община всех своих членов, тех противоречий, которые развивались в первобытном коммунистическом обществе.

Внешних поводов для возникновения веры в существование душ и духов было много.

Такие явления, как сон, обморок, смерть, сновидения, и даже такие, как тень, отображение в воде, — могли привести при известных условиях к идее о существовании «двойника», «души», «духа». Но и эти все явления стали действовать в известном направлении только при определенном состоянии производственных сил, только на базисе определенных экономических отношений. Первобытная религия, населявшая окружающий мир душами и духами, которые связывали якобы все отношения людей друг к другу и к природе, явилась таким образом фантастическим отражением реальной связанности людей в первобытной общине.

Первый период существования человеческого общества безусловно был периодом безрелигиозным. Противоречия первобытного человеческого стада, не знавшего разделения труда, были еще не настолько велики, чтобы оформлять и закреплять религиозные представления, веру в духов. Базисом, на котором стали возникать религиозные верования, явились более сложные общественные отношения как к природе, так и людей друг к другу, отношения половозрастной коммуны, той стадии доклассового общества, где имелось уже разделение труда по полу и возрасту. В эпоху первобытного стада не могли действовать и те внешние поводы, которые в дальнейшем вели мысль первобытного человека к неправильному выводу о существовании духов. Появление человека в сновидении воспринималось скорее всего как появление действительного человека. Отсутствовали факты частого и систематического наблюдения над смертельно ранеными животными, теряющими свою кровь. (Это могло бы привести к вере, что в крови находится оживляющая сила, душа). Все эти факты стали действовать в направлении, способствовавшем возникновению идеи «души», на той ступени хозяйственного развития, когда появились стоянки, когда развитие примитивной техники дало возможность наряду с собирательством при-

ступить к ведению охотничьего хозяйства. Сопоставление разложившегося на стоянке трупа сородича с появлением его в цветущем виде в сновидении могло привести к идее существования какого-то двойника, живущего и после смерти человека. Ряд других фактов приводил к мнению, что этот двойник при жизни человека обитает в нем самом, что сон, болезнь, обморок есть такое состояние, когда «душа» покидает тело. Затем по аналогии с человеком приписывались души и вообще всем предметам природы.

Возникновение анимистических представлений, таким образом, необходимо отнести к эпохе половозрастной коммуны.

С развитием производительных сил все более и более углубляется разделение труда по возрасту и полу; руководящие функции переходят к старшему поколению, хранителю уже накопленного к этому времени общинной хозяйственно-производственного опыта. Старики-деды — руководители производственного процесса, советчики, учителя подрастающего поколения. Таковыми должны быть и духи, которыми становятся души умерших дедов-предков.

Духи-предки — невидимые блюстители традиций, обычаев и правил. Нарушение правил хозяйственно-производственного опыта приводило нередко к несчастью и гибели. Это объясняется как месть со стороны духов-предков.

Как показывают данные этнографии, поколение стариков в современном австралийском обществе, имеющем тотемистическое устройство, пользуется большими правами и привилегиями по сравнению с поколением охотников, подростков и женщин.

Чтобы удержать такой порядок вещей ненарушенным, мало способов прямого воздействия. В австралийском обществе за нарушение запретов применяется смертная казнь или изгнание из общин, что собственно равносильно смертной казни, — на помощь приходит мир духов, мстительных и требовательных, незримо присутствующих, все видящих и от которых следовательно нельзя скрыть нарушение законов и правил.

Кроме анимизма, в первобытной религии мы находим магические действия. Под первобытной магией подразумеваются действия, которые основываются на убеждении, что подобное или сходное может вызвать подобное (магия сходства) или что действие над предметом, который находился в соприкосновении с другим предметом или является частью последнего, оказывает влияние на этот второй предмет (магия контакта). Магия называется отрицательной, или негатив-

ной, когда на основании ее запрещают совершать те или иные действия. Примерами положительной магии сходства может служить способ вызывания дождя у африканских негров. Старшина или колдун забирался на крышу хижины и льет оттуда на землю воду в полной уверенности, что таким же образом польется с неба дождь, ибо сходное вызывает сходное.

Магия выростала на той же почве социально-экономических отношений, как и анимизм. Вообще вся система магических действий и запретов является для дикарей величайшей школой муштровки, благодаря которой сохраняется незыблемым установившийся порядок вещей. Негативная магия (табу), запрещающая женщинам и молодым охотникам употреблять в пищу многие виды добычи и т. п., идет на пользу старшему поколению, которое поэтому заинтересовано в поддержании и закреплении этой системы магии в целом. Нет сомнения, что на выработку магии повлияла охотничья практика с подражанием животным и птицам во время подкрадывания к ним. Например австралийцы, охотясь на эму, держали над своей головой на палке голову птицы. В магии человек не упрашивает духов, а заставляет действовать по своему желанию. Магия не знает еще капризов и личной воли духов. Магия возникает в ту пору, когда первобытная община всецело владеет и подчиняет себе всех своих членов, в том числе и старшие поколения.

Первобытная религия в форме анимизма и магии, выростая на базе социально-экономических отношений половозрастной коммуны, поддерживала и закрепляла эти отношения.

Как мы уже говорили, в наиболее выгодном положении в смысле получения добычи оказывается старшее поколение, которое является хранителем хозяйственного опыта и руководителем орды. Женщины, отстраненные от охоты и продолжающие заниматься собиранием пищи, оказались в худшем положении. В дальнейшем, когда возникает земледелие, которым на первых порах занимаются преимущественно женщины, их положение изменяется.

Что разделение труда, отстранение женщины от охоты положило начало пищевым ограничениям, показывает например тот факт, что запреты главным образом относятся к мясной пище, что у большинства австралийских орд по части растительной пищи никаких запретов нет.

У австралийцев мы находим широко развитую систему пищевых ограничений и запретов. Спенсер и Гиллен, ан-

глийские исследователи, прожившие много лет в среде австралийцев, пишут относительно пищевых ограничений следующее:

«Ограничения относительно пищи, которую определенные индивиды не должны есть в определенные времена, могут быть разделены на три группы:

1) те, цель которых очень ясна, так как она заключается в том, чтобы оставить лучшую пищу для пожилых людей;

2) те, которые обеспечивают сохранение некоторых видов пищи для мужчин в противоположность женщинам;

3) те, которые относятся к пище отдельных лиц, ограничивая их при особых условиях и в особые времена»¹.

У некоторых племен эти запреты в области питания зашли так далеко, что в известное время года всем юношам, женщинам и детям приходится отказываться от большинства обыкновенно употребляемых ими блюд, если они не хотят нарушить традицию и тем самым навлечь на себя презрение других членов орды. Как сообщает Эдуард Джон Эйр, сказанное приложимо в особенности к ордам Центральной Австралии. Изучение этих запретов у менее развитых австралийских орд показало, что они порождены не соображениями, связанными с охраной здоровья, а возникли на почве половозрастного разделения труда; производственный момент обусловил собою распределение, а затем распределение стало влиять на производство. Никакой роли не играют при этом и заботы о сохранении запаса дичи. Австралиец не знает запретных сроков для охоты, устанавливаемых для охраны дичи. В своей работе «Северные племена Центральной Австралии» Спенсер и Гиллен приводят много примеров относительно пищевых запретов у различных племен. Возьмем один, наиболее яркий, относительно запретов на пищу в племени кайтиш. «Вероятно у всех австралийских племен существуют общие ограничения относительно того, что младшие члены племени могут или не могут есть. У племени кайтиш молодые мужчины не могут есть эму, змей, дикобразов, дикой кошки, гарпии, больших ящериц; если они это сделают, то их тела распухнут и сами они преждевременно поседеют. Ограничения, наложенные на молодых женщин, еще более обширны. Они охватывают семена акаций (наказание — расстройство желудка), яйца эму (наказание — зоб), дикую индейку или ее яйца (наказание —

¹ B. Spencer and F. Y. Gillen — Northern tribes of Central Australia. London 1904, стр. 611.

распухшая щека), дикую собаку (наказание — зоб), ехидну (наказание — общее опухание тела), больших ящериц (наказание — похудение), диких кошек (наказание — появление на голове язв) гарпию (наказание — похудение и истощение), воршуна (наказание — недоразвитие груди), большую крысу (наказание — распухание головы), кролика или сумчатую крысу (наказание — распухание тела), рыбу (наказание — язвы на ногах). Им разрешается есть такую пищу, как мясо эму (но не яйца), валлаби и кенгуру, маленьких змей и ящериц, ворон, обычную сумчатую крысу, червяков «унчичи», ямс и разную растительную пищу, например семена травы. Ограничения, касающиеся женщин, примерно те же самые у всех племен. Как будто везде имеется строгое запрещение есть коричневых соколов. Наказанием за нарушение этого правила является исчезновение молока в грудях, которые кроме того иссыхают, хотя у некоторых племен есть поверье, что груди женщины, нарушившей запрет, вспухают до такой степени, что могут лопнуть. Женщинам не только запрещено есть птиц, но женщины везде их очень боятся: если женщина кормит и птица летает вблизи, то кормилица убегает, испугавшись, что тело птицы может случайно упасть на грудь, которая тогда распухнет и лопнет. В отношении старых женщин эти ограничения отменяются¹. Молодые охотники обязаны доставлять из убитой ими добычи лучшие части старикам: отцу и тестю, деду по матери, дядям и т. д. Так, Спенсер и Гиллен сообщают, что например у племен чингили, гнанджи и бинбинга обычно подарки пищей делаются мужчиной своему отцу, матери, брату отца и отцу матери. У племени мара существует правило, что охотник должен посылать часть добычи отцу своей жены через жену. Если тесть поймает самку кенгуру, то он оставляет ее всю за собой, но если он поймает самца кенгуру, то он посылает часть добычи зятю².

Все эти пищевые ограничения, все эти правила кормления представителей старшего поколения поддерживаются и освящаются верой в духов и магией. При обрядах посвящения юношам сообщают легенды о духах-предках. Юношам вручаются чуринги, сохранившиеся якобы от времен алчеринга (первопредков). В чурингах по верованиям австралийцев обитает дух-предок. У племени диери, как сообщает Гессон, есть обычай во время посвящения приводить посвящаемых юношей к священным деревьям, которые считаются превратившимися в деревья праотцами. Во время посвя-

¹ Spencer and Gillen, цит. произв., стр. 611.

² См. там же, стр. 610.

щения совершаются при самой таинственной обстановке тотемистические церемонии, тесно связанные с верой в духов-первопредков. Таким образом юношам, которые должны после посвящения перейти в разряд охотников, внушается, что запреты и обычаи есть установление духов-предков, которые незримо следят за каждым действием человека. Недаром молодой охотник твердо верит, что всякое нарушение установленных правил ведет за собою немедленное наказание его.

Необходимо однако заметить, что этот этнографический материал относится к тому времени, когда половозрастная коммуна начала уже разлагаться. Разложение половозрастной коммуны обуславливается охотничьей техникой, которая когда-то явилась предпосылкой к ее возникновению. Эта техника способствует выделению отдельных охотников. Создаются тенденции к развитию отдельного хозяйства, состоящего из охотника, его жены (или жен) и нескольких детей. В этих условиях начинает принимать другой характер и отношение между стариками и охотниками. На первых стадиях половозрастной коммуны добыча охотника, входившего в общину жены, являлась предметом распределения между всеми членами коммуны. Теперь известная часть добычи охотника поступает в распоряжение тестя. Это — пережиток старых отношений, но принявший уже новые формы, характерные для эпохи разложения половозрастной коммуны. Исследователь Гауитт, проживший среди австралийцев много лет подобно упомянутым выше Спенсеру и Гиллену, сообщает, что у ряда племен старики, получающие добычу от зятьев-охотников, делят ее между своими сородичами, выделяют определенные куски детям охотника, своим внукам. У ряда австралийских племен в системе родства деда и внуки составляют одну группу, что говорит об определенных, когда-то бывших, производственных отношениях.

Мы изложили теорию происхождения религии в свете марксизма-ленинизма. Буржуазные исследователи происхождения религии, создатели анимистической теории, Тэйлор и Спенсер, как и их буржуазные последователи вроде Вундта, Фрэзера, хотя дают нам богатый фактический материал по истории религии, но стоят на идеалистической точке зрения. Происхождение анимистических идей рисуется ими как результат умственного процесса, совершавшегося в голове «дикаря-философа».

Тэйлор в «Первобытной культуре» пишет: «Повидимому, мысль людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов: во-

первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бдения, сна, экстаза, болезни и смерти? Во-вторых, что такое человеческие образы, представляющиеся в снах и видениях? Видя эти две группы явлений, древние дикари-философы вероятно прежде всего сделали очевидное заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «я»; и то и другое таким образом отделено от тела; жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак показывается людям вдали от него. Диким философам не трудно было сделать и второй шаг; мы это видим из того, как крайне трудно было цивилизованным людям уничтожить это представление. Дело заключалось просто в том, чтобы соединить жизнь и призрак. Если то и другое принадлежит телу, почему бы им не принадлежать друг другу и не быть проявлениями одной и той же души? Поэтому их можно рассматривать как связанные между собою, и в результате является общеизвестное понятие, которое может быть названо призрачной душой»¹. Фрэзер, автор целого ряда фундаментальных исследований по вопросам первобытной религии, трактует происхождение религии и дальнейшее развитие ее как результат некоторой работы человеческого ума, причем этот ум рассматривается Фрэзером как самодовлеющее начало. В предисловии к лекциям «Культ природы», изданным в 1926 г., Фрэзер устанавливает следующую идеалистическую предпосылку для своей методологии: «Дух человеческий отказывается довольствоваться чувственными явлениями. Повинуясь непреодолимому инстинктивному побуждению, он пытался искать нечто по ту сторону вещей, нечто более реальное и устойчивое, чем изменчивая фантазмагория, являемая ему чувственным миром. Это искание вместе с уверенностью, им предполагаемой, присуще не только философам: все люди нашей земли сопричастны ему в разных степенях».

Согласно этой идеалистической установке Фрэзер дает такую схему развития религии. Человеческий ум стремится к обобщению, к классификации, к упорядочению; это может идти двумя путями: по линии материализации мира, сведения мира к материальному началу, к атомам, или по линии одухотворения мира, объяснения мира как мира духов; несо-

¹ Эд. Тэйлор — Первобытная культура, стр. 11.

вершнный ум, который не умеет еще разбираться во всей массе фактов, объясняет мир как наполненный духами. Возникает анимистическое мировоззрение — теория, соответствующая первой ступени умственной жизни человечества. Но затем это стремление к упорядочению мира, к его упрощению приводит от анимизма к политеизму. Политеизм знает уже меньше духовных сил, чем анимизм, во всяком случае тех сил, которые играют доминирующую роль в жизни природы и общества. Но на этом мысль человеческая не останавливается. Стремление к упрощению идет дальше, и человечество переходит от политеизма к монотеизму. Переход этот Фрэзер рисует в таких чертах:

«Это движение человеческой мысли к отвлеченному и общему, эта потребность в упрощении и единстве, которая выработала политеизм из анимизма, в дальнейшем претворила политеизм в монотеизм. Многочисленные божества, которые долгое время делили между собой управление миром, были экспроприированы в пользу одного и единого бога, творца и владыки всех вещей».

Установка Фрэзера, как и всякая идеалистическая установка, является облеченной в философские термины попущиной. От человеческого ума как некоего абсолюта не трудно перейти к высшему абсолюту, мировому разуму. Тэйлор, Спенсер, Фрэзер и другие отправляются от «я», от мышления. У них, как и всех идеалистов, «мышление определяет бытие».

Перейдем теперь к работам по происхождению религии Плеханова, Кунова, Степанова. В их работах мы находим серьезные, принципиального характера ошибки в понимании анимистической теории.

Вопрос о происхождении анимизма затрагивает Плеханов в своей первой статье «О так называемых религиозных исканиях в России». Плеханов не дает здесь марксистского анализа. Он ничего не говорит о социально-экономических отношениях в первобытном обществе, об отношениях людей друг к другу в процессе производства. Плеханов ограничивается упоминанием о слабом состоянии производительных сил, но не указывает, как это слабое состояние производительных сил определяет производственные отношения в первобытном обществе.

Плеханов считает, что в первобытном родовом обществе миросозерцание вырабатывается непосредственно под влиянием производительной деятельности. В «Основных вопросах марксизма» Плеханов писал: «В первобытном обществе, не знающем разделения на классы, производительная деятель-

ность человека непосредственно влияет на его мирозерцание и на его эстетический вкус»¹.

Плеханов нигде не говорит также и о том, какую социальную роль играла первоначальная религия. Плеханов в первой статье о религии пишет: «На известной стадии культурного развития анимистические представления и связанные с ними настроения срастаются с нравственностью в широком смысле этого слова, т. е. с понятиями людей о своих взаимных обязанностях». По Плеханову получается, что на первых порах анимистические представления не имели никакого отношения ко взаимным обязанностям людей, таким образом не играли никакой роли в социально-экономической жизни первобытной общины. Они возникали, по Плеханову, в результате обдумываний и рассуждений дикаря, ради какого-то «чистого знания», ради удовлетворения его любознательности. Ход рассуждений Плеханова, как видим, идеалистический; так объяснял возникновение и развитие анимистических идей и Тэйлор. Так например, Плеханов пишет о первобытном человеке: «В основе всех фантастических объяснений жизни природы лежит суждение по аналогии. Наблюдая свои собственные действия, человек видит, что им предшествуют соответствующие им желания, или — чтобы употребить выражение, более близкое к его образу мыслей, — что эти действия вызываются этими желаниями, поэтому он думает, что и поразившие его явления природы были вызваны чьей-то волей. Предполагаемые существа, волей которых вызываются поражающие его явления природы, остаются недоступными для его внешних чувств. Поэтому он считает их подобными человеческой душе, которая, как мы уже знаем, неведественна в указанном выше смысле»².

Кунов в своей книге «Возникновение религии и веры в бога» совершает ту же ошибку, что и Плеханов. Он ничего не говорит об экономической структуре первобытного общества, не затрагивает вопроса о том, какую роль в первобытном обществе играет религия. Возникновение анимизма Кунов связывает с охотничьим хозяйством таким образом: охотники, наблюдая смертельно раненое животное, видели, что с потерей крови из животного уходит жизнь, отсюда они делали вывод, что в крови помещается какая-то жизненная сила, душа. Сновидения, обмороки, эпилепсия и другие

¹ Г. В. Плеханов — Основные вопросы марксизма. Цит. по сборн. „Основные вопросы марксизма“, изд. „Моск. рабочий“, 1922, стр. 63.

² Г. В. Плеханов — О так называемых религиозных исканиях в России. Ст. I.—„О религия“. Собр. соч., т. XVII, стр. 205—206.

подобные явления укрепляли веру в существование душ. При таком объяснении у Кунова религия отрывается от экономических отношений, превращается в теорию, не имеющую непосредственного касательства к экономической жизни первобытной общины.

На этих же позициях стоит Степанов. В его «Очерке развития религиозных верований» мы напрасно стали бы искать рассуждений о производственных отношениях первобытного общества. Ничего не говорится и о социальной роли анимизма. Кунов и Степанов в своих работах говорят о том, что хозяйственно-технические моменты повлияли на возникновение идеи «души». Кунов говорит об охоте, Степанов о стоянках, об охоте, о пользовании орудиями труда. Но ни тот, ни другой ничего не говорят о производственных отношениях, о самой общине, ее экономической структуре. Механистический подход Степанова ярко сказывается в данном случае. Первобытное общество рассматривается не как определенное качественное своеобразие, органическое целое; берется механистически одна его сторона, берется техническая сторона производства. Эту же ошибку совершает Степанов и в вопросе о происхождении тотемизма, когда опять ничего не говорит о производственных отношениях.

Что же касается вопроса о первобытной магии, то Кунов и Степанов в своих работах ничего не говорят о ней. Плеханов останавливается на первобытной магии, подчеркивая, что «магические действия являются составной частью всякого культа». Плеханов говорит, что магия смешивает объективные явления с субъективными. И именно потому, что она смешивает их, свойственный ей ход идей не устраняет хода идей, свойственного анимизму. Магия дополняется анимизмом, анимизм дополняется магией¹. Происхождение магии таким образом переносится исключительно в область идей, т. е. ему дается не материалистическое, а идеалистическое объяснение.

Остановимся еще на авторитарной теории А. Богданова.

А. Богданов сделал попытку дать социальное обоснование анимизма, выступив с так называемой авторитарной теорией². Тов. Бухарин, находившийся, как известно, под сильнейшим влиянием Богданова, заявляет в своем «Тезисах исторического материализма», что он присоединяется на 100 проц. к богдановской теории. Авторитарная теория сводится в основном к утверждению, что анимизм возникает только при патри-

¹ Г. В. Плеханов, Соб. соч., т. XVII, стр. 210.

² Впервые теория изложена в книге „Из психологии общества“.

архально-родовом строе. Окружающий мир воспринимается людьми по аналогии с общественными отношениями, в которые вступают патриархи, распорядители-организаторы труда, и исполнительская масса. Все предметы природы и люди мыслятся поэтому как исполнительская масса, роль же организаторов играют «души» всех вещей природы, мыслимые по образцу «организаторов» в человеческом обществе.

Авторитарная теория Богданова находится в органической связи с его махистской философией, эмпириомонизмом. Идеализм богдановского эмпириомонизма блестяще раскрыт Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме». Этнография опровергает теорию Богданова фактами существования анимизма у народов до патриархально-родового строя, например у австралийцев.

Кроме анимистической теории происхождения религии имеется еще целый ряд других теорий. В середине XIX ст. выступил английский ученый Макс Мюллер с натуралистической теорией, сущность которой сводится к утверждению, что объектом первоначального религиозного культа явились *силы природы*, причем сам Макс Мюллер утверждал, что религия началась с поклонения солнцу. Данные этнографии показали несостоятельность этой теории: силы природы действительно становятся объектами обожествления, но на более поздней стадии экономического развития, чем первобытный коммунизм с его собирательским и охотничьим хозяйством, а именно у народов земледельческих и пастушьеских.

Макс Мюллер стоял всецело на идеалистической точке зрения по вопросу о происхождении религии. Он утверждал, что в религии человек пытается «понять непознаваемое, выразить невыразимое», что в религии человек выражает свое влечение к бесконечному. Макс Мюллер пишет: «Идея бесконечного беспокоила человеческий дух, она зародилась в нем первой»¹.

В последние десятилетия выдвигаются новые реакционные теории происхождения религии. Так, отцы прагматической теории, Эндриу Лэнг, а вслед за ним патер Шмидт, ныне уже носящий кардинальскую шапку, утверждают, что первобытная религия есть чистейший монотеизм, вера в единого бога, в «всезнающего, всемогущего творца и устроителя, носителя морального начала».

Для подтверждения правильности своей теории Шмидт и его последователи (Копперс и др.) пользуются всякого

¹ М. М ю л л е р — Религия как предмет сравнительного изучения, стр. 132.

рода сомнительными и фальсифицированными этнографическими данными. При внимательном критическом изучении фактические данные Шмидта, Конперса и других оказываются не заслуживающими никакого доверия¹. Теория патера Шмидта является замаскированным доказательством бытия бога. Если понятие об едином боге, одаренном такими «возвышенными» качествами, появляется у дикарей вне времени и пространства, то не говорит ли это обстоятельство о том, что вера в бога есть лишь прирожденное свойство или результат богооткровения: в том и другом случае дело не может обойтись без господина бога. Сам кардинал Шмидт пытается доказать, что в возникновении прамотеизма играло роль праоткровение. Он пишет: «Все яснее становится, что именно первобытное человечество, о котором мы узнаем из исследований новейшей этнологии и лингвистики, было способно воспринять праоткровение такой высоты и глубины, как мы находим его в первой главе «Бытия»².

Близко к теории прамотеизма стоит преанимистическая теория, утверждающая, что анимизму предшествовала вера в существование безличной силы. Эта безличная сила якобы разлита всюду, она входит во все предметы, людей, животных, растения, камни и т. д. — в одни предметы больше, в другие меньше. Легко видеть, что такая безличная сила мало чем отличается от безличного разума пантеистов, от безличного бога любви Толстого и т. п.

Этнографические данные показывают, что у некоторых племен (например меланезийцев, американских индейцев) есть вера в «силу», «мана» (у меланезийцев). Но эта «мана» вовсе не представляется безличной силой, разлитой повсюду. «Мана» — это личная, индивидуальная сила, которой владеют различные люди или животные. Вера в «мана» развивается из анимистических представлений³.

В нескольких словах остановимся еще на теориях биологического порядка: эти теории биологизируют общественные явления и выводят религию из «прирожденных» свойств человека.

---

¹ См. напр. критику т. Преображенским „изысканий“ Конперса в ст. „Первобытный монотеизм у огнеземельцев“ в „Ученых записках“ Инст. истории, т. III, Ранлон, Москва, 1929. В других работах т. Преображенский не свободен от влияния преанимистической теории и даже прамотеистической.

² W. Schmidt — Die Ursprung der Gottesidee, т. I, стр. 189.

³ См. ст. Лемана „Мана“ в сборн. „Буржуазная наука о происхождении религии“.

Такова, например, психологическая сексуальная теория Фрейда¹. По Фрейду религия вырастает на основе сдерживаемых человеческим обществом естественных инстинктов человека: инстинкта размножения, инстинкта разрушения и насилия, причем, может быть, даже второй инстинкт является разновидностью первого. Но таким образом напрашивается вывод о вечности религии. Первоначальной формой религии, по Фрейду, является тотемизм, культ предка в виде животного. Предок этот, глава первобытной орды, как рассказывает Фрейд, изгонял из орды всех подрастающих самцов, чтобы жить одному с женщинами, но затем был убит молодыми самцами. Между последними начались из-за женщин постоянные драки, и тогда они установили, как завет убитого отца, не прикасаться к женщинам своего рода. Любовь и ненависть, питаемые к отцу, были перенесены на животных. Эта сексуальная теория происхождения религии в виде тотемизма противоречит этнографическим данным. Фрейдовское утверждение о существовании когда-то человеческих орд, состоящих из взрослого самца, десятка самок и детей также не находит подтверждения ни в этнографии, ни в праархеологии.

К биологическим теориям можно присоединить и теорию «страха смерти», видевшую причину возникновения религии в страхе смерти, якобы присущем животным и человеку. Этой теории в свое время придерживался М. Н. Покровский².

Теории биологического порядка на первый взгляд кажутся материалистическими, но по существу дела являются идеалистическими, потому что они собственно не имеют дела с обществом. Эти теории отправляются от психологии индивидуума, возникающей и развивающейся на основе какого-либо неизменного биологического свойства.

Мы изложили возникновение анимизма и магии, являющихся составными частями первобытной религии. Следующей стадией религии является тотемизм.

Тотемизмом называется культ животных или растений, соединенный с верой в родство между тотемной группой и данной породой животных или растений вследствие, якобы, происхождения от общих предков. Такие родственные животные или растения в науке получили название тотемов от слов на языке американских индейцев-чиппевеев *ot-otem*, что значит «его род». У племен Западной Австралии употребляется слово «кобонг». Нарриниери, живущие в Южной

¹ Фрейд — Тотем и табу. Будущность одной иллюзии; и др. работы.

² См. его «Очерк истории русской культуры», полемику его с И. И. Степановым-Скворцовым в журн. «Под знаменем марксизма» за 1922 г.

Австралии, употребляют слово «нгаите», что значит приятель, друг, товарищ. Согласно тотемистическим верованиям духи-предки обитают якобы в тотемах или каким-либо образом связаны с ними.

Как правило, членам тотемной группы не позволяется употреблять в пищу своего тотема, а в некоторых тотемных группах не позволяется даже охотиться на них. Австралийцы верят, что совершение различных магических церемоний, «интихиума», данной тотемной группой оказывает сильнейшее влияние на размножение тотема. Повсюду в тотемных группах мы находим экзогамию, т. е. обычай заключения браков с женщинами из других тотемных групп. Как правило тотемами являются животные или растения, у австралийцев, например из 704 подсчитанных тотемов приходится на животных и растения — 648, остальные 56 на так называемые «неодушевленные» предметы, как например вода, огонь, луна, солнце, вихрь, ветер и т. д.

Тотемистические верования явились фантастическим отражением в сознании дикарей того бессилия перед природой и той «реальной связанности», которая возникает в австралийских ордах, с одной стороны, на основе дальнейшего разделения труда не только по полу и возрасту, но и между охотниками, а с другой стороны — на основе возникающих междугрупповых связей. При этом необходимо помнить, что специализация охотников по тому или другому виду добычи ведет к разложению половозрастной коммуны. Тотемизм австралийцев является фантастическим отражением тех сложных противоречий, которые имеют место в разлагающейся половозрастной коммуне.

Каждая австралийская орда занимает определенную территорию для охоты и собирательства. Вступление на чужую территорию допускается только с разрешения старейшин, руководителей орды, являющейся хозяином данной территории. Между группами существуют связи. Так например, молодой охотник, взявший в жены девушку из чужой группы, посылает туда для своего тестя лучшие части добычи. Его жена является ему хорошим помощником — она переносит домашний скраб, она собирает коренья, семена и другую подобную пищу, которую она должна отдать ему, если он явится с охоты с пустыми руками. Но жена — эта рабочая сила — досталась охотнику не даром. Он выплачивает за нее из своей добычи вплоть до смерти тестя и тещи.

Как мы говорили, в настоящее время в большинстве тотемных групп тотемы не употребляются в пищу. Но это

было не всегда. Спенсер и Гиллен пишут: «Вообще говоря, можно утверждать, что предания племени арунта, относящиеся к предкам периода алчеринга, свидетельствуют о том, что было время, когда нынешнее табу, касающееся употребления в пищу своего тотемистического животного или растения, не существовало. Особенно наглядным доказательством на этот счет являются случаи перехода отдельных лиц из одного тотема в другой»¹.

Тотемные группы образовывались на почве разделения труда между охотниками: одни охотились преимущественно на диких уток, другие — на дичь, третьи — на эму, четвертые собирали цикад и т. д. Возьмем племя урабуина. Оно делится на две части: маттури и кирарава. У маттури мы находим между прочим такие тотемные группы: дикая утка, цикада, динго, эму, дикий индюк, черный лебедь; у кирарава: облако, луговая змея, змея, пеликан, степной кулик, ворона. Нет сомнения, что вначале отдельные группы охотников вели охоту главным образом на определенный вид добычи, которой и пользовались сами. В дальнейшем возникают такие отношения, когда предоставляют значительную часть добычи старшему поколению и притом часть добычи идет в чужую группу. С развитием междугрупповых связей возникают, наконец, такие отношения, когда не приходится совсем пользоваться данной добычей. Но права собственности на нее сохраняются, считается, что от данной группы зависит размножение тотемного животного или растения. Спенсер и Гиллен по поводу этого писали:

«Основная идея, общая для всех племен, заключается в том, что мужчины тотемистической группы ответственны за сохранение и умножение численности тех животных или растений, которые дают свое имя группе, и что целью умножения численности тотемистического животного или растения является увеличение общих запасов пищи. Если я например являюсь мужчиной кенгуру, то я обеспечиваю мясом кенгуру мужчин эму и взамен ожидаю, что они обеспечат меня мясом и яйцами эму. И так обстоит дело со всеми тотемами. И таково действительно верование туземцев Центральной Австралии до нынешнего дня. Больше того, ни один мужчина не должен делать ничего такого, что может нанести ущерб его способности умножить свой тотем».

Подобные отношения ложатся громадной тяжестью на каждого члена общины: «реальная связанность» всех чле-

нов чувствуется сильнее, и она получает фантастическое отражение в сознании дикарей в виде тотемистических верований о родстве с данной породой животных или растений. Анимизм принимает тотемистические черты, магия делается частью тотемистического культа.

Тотемизм, как и всякая религия, является опиумом, он оправдывает установившиеся порядки, освящает пищевые ограничения по отношению к женщинам и молодым охотникам, освящает обязанность посылать пищу в чужие группы за жену или по другим каким-либо причинам. Религиозная обработка по сравнению с предыдущей эпохой усиливается. У австралийцев мы находим продолжительные празднества, длящиеся по нескольку недель, посвящение подростков при переходе их в среднее поколение сопровождается мучительными обрядами: совершают обрезание, выбивают зубы, наносят раны, поджаривают на огне, запугивают таинственными и страшными духами-предками, принявшими образ тотема. Все это должен пройти подросток, чтобы закалиться в дисциплине и послушании старшему поколению.

Помимо тотемов животных и растительных есть, как мы говорили, тотемы воды, камня, ветра и т. д. Возникновение этих тотемов необходимо рассматривать как результат дальнейшего разделения труда между охотниками в группах: одни добывают воду, другие — камни для выделки оружия. По аналогии с реальным разделением труда в дальнейшем могли возникнуть на почве магии и такие обязанности, как отращивание солнечного зноя, вызывание ветра и т. п.

Из вышесказанного видно, что от междугруппового обмена выгадывает преимущественно старшее поколение. Междугрупповые связи не облегчают положения охотников и женщин. Но междугрупповые отношения на той стадии развития увеличивают «реальную связанность» всех отношений внутри общины и к природе. Эта «реальная связанность» получает фантастическое отражение в сознании дикарей в виде веры в родство с животными и растениями.

На укрепление и развитие тотемистических представлений как определенной идеологической системы оказал влияние целый ряд причин внешнего порядка. Мог сыграть некоторую роль например такой факт, как именование группы охотников по названию того животного, на которое по преимуществу они охотились. Группа получала название например кенгуру, эму, водяной курочки и т. д. В дальнейшем это название группы объяснялось как имя, которое носили праотцы. А праотцы такое имя носили по-

тому, что они якобы сами были животными. Таких фактов, укреплявших тотемистические верования, способствовавших выработке тотемистической идеологии, могло быть десятки. Но дело не в них, а в тех социально-экономических отношениях, которые имели место в первобытном обществе на данной ступени его развития. Фантастическим отражением этих отношений явился тотемизм. Тотемизм оправдывал эти отношения, закреплял их. На смельчака, дерзнувшего нарушить установленные порядки, обрушивался тотемизм со своими тотемами-первопредками, магическими запретами и т. д.

Тотемизм, как и всякая религия, играл реакционную роль. Чувствуя свое бессилие перед природой, дикари прибегали к помощи своих тотемов-духов, совершая магические церемонии, требовавшие от них многих усилий и большой затраты времени. Все эти церемонии, разумеется, не освобождали от подавленности перед природой, а наоборот — ее закрепляли.

Тотемистические верования являются фантастическим отражением определенной стадии первобытного коммунистического общества. Необходимо остановиться еще на религиях родового строя, когда в общине появляются вожди, обладающие уже сильной единоличной властью, например у негритосов Малакки, ведда и др.

Изменение в социально-экономических отношениях вызывает изменение и в мире духов. На первый план среди миров злых и добрых духов выделяется дух-первопредок, долгое время носящий еще тотемистические черты. Фантастическое отражение социально-экономических отношений этого общественного порядка заключается между прочим в идеализации положения начальника рода путем приписывания духу-первопредку исключительной роли в деле создания благополучия и преуспеяния рода. Дух-первопредок помогает своим родственникам во всех их начинаниях, в военных и охотничьих походах, предохраняет от несчастий и болезней и т. д. Начальник является посредником между духом-первопредком и родом. Он непосредственно связан с миром духов и в первую очередь с первопредком. Вот как например молятся туземцы Соломонова архипелага духу-прародителю, носящему еще тотемистические черты: «Великая змея, прародитель, явись сюда! Воззри на эту жертвенную свинью. Ешь подобающую тебе часть и помоги нам в борьбе против наших врагов. Из тех свиней, которых мы добудем, мы принесем тебе жертву. Они принадлежат тебе, так мы принадлежим тебе и живем с тобой».

Или вот как молятся духу-предку дикари с острова Банка: «Отче, много свиней должно быть у тебя, много кавы (кава — опьяняющий напиток) для утоления твоей жажды. Двадцать полных мешков пици пошлю я тебе в лодке (в море). Я зываю к тебе, приди и помоги. Дай мне возвратиться с моря неврeдимым».

Ведда верят, что духи умерших живут только некоторое время. Но есть несколько духов давно умерших ведда — такие, как билинде-якка и канде-якка, которым воздают почести духи недавно умерших. Этим неумирающим духам-первопредкам приносятся умиловительные жертвы, им молятся.

Приведенные примеры показывают, что изменения происходят не только в религиозных представлениях, но и в действиях и чувствах. В религиозный культ входит теперь наряду с магией элемент молений и жертвоприношений, что является отражением новых социально-экономических отношений. В молитвах и жертвах отражается личная зависимость людей от главы рода.

Мы рассмотрели религию первобытного общества на различных этапах его развития. Мы видели, что первобытная религия, как и всякая религия, является фантастическим отражением в сознании людей тех сил, которые властвуют над ними, есть выражение бессилия и беспомощности людей как перед природой, так и перед общественными отношениями. Первобытная религия, как и всякая религия, играет реакционную роль, закрепляя придавленность и беспомощность людей перед природой и перед общественными отношениями.

Многие нелепости первобытной религии живут до сих пор в религиях так называемых цивилизованных народов, выполняя классовую роль оправдания и защиты эксплуататорского строя и одурманения трудящихся масс.

С развитием земледелия и скотоводства духи-предки сперва заимствуют те или другие черты от явлений природы, а затем становятся богами природы. Зависимость земледельца и скотовода от природы получает фантастическое отражение в том виде, что один дух по преимуществу начинает «заведывать» солнцем, другой — дождем и грозой, третий — ветром. Один дух помогает по вопросам земледелия, другой по вопросам ветеринарии, это мы видим и в более позднее время. Крестьянство, подавленное эксплуатацией феодалов и стихиями природы, создало себе целые «штаты» духов-спецов по агрономии и ветеринарии. Беспомощное положение русского крестьянства, эксплуатируемого

веками дворянами-помещиками, выступавшего перед природой с примитивной прадедовской техникой, нашло фантастическое отражение в вере в существование различных святых: по ветеринарной части содействует Фрол и Лавр — лошатники, Егорий-скотопас, Никита-гусятник и т. д., по агрономии Наталья-овсяница, Никита-репорез, Никола-Кочанный, Елена-длинные льны, Прасковья-трепальница и т. д.

Религия классового общества

1. Оправдание и освящение рабства, общественного неравенства и царской власти религиями рабовладельческого и феодального общества. Государственные религии древнего Востока (Египет, Вавилон, Финикия, Палестина).

2. Возникновение христианства. Первоначальное христианство как идеологический продукт разлагавшейся рабовладельческой формации. Эксплоататорская роль первоначального христианства в условиях современной ему классовой борьбы. Критика антимарксистских взглядов Каутского по вопросу о первоначальном христианстве.

3. Происхождение буддизма и ислама.

4. Корни религии в классовом обществе. Социальные корни религии. Исторические корни религии и их социальный характер. Гносеологические корни религии. Их обусловленность определенными социальными условиями. Реакционная роль идеи бога в продолжение всей истории человечества.

Происходящее объединение племен в государственные организации, с возвышением одного какого-либо племени в роли завоевателя и объединителя, находит фантастическое отражение в соответствующих изменениях в мире духов. Боги племени-завоевателя становятся главными богами. Боги подчиненных племен получают роли второстепенных богов или низводятся на положение героев.

Показательны в этом отношении те изменения, которые происходили в древнеегипетской религии в связи с переходом государственной власти к той или другой области. Сорок областей, или номов, Древнего Египта, соответствовавшие племенным делениям глубокой старины, имели своих областных богов, с теми или другими тотемистическими пережитками. Выдвижение на первый план какого-либо нома приводило к соответствующим изменениям в религии.

Господствующее положение Мемфиса в Древнем царстве высоко поставило в качестве верховного владыки бога этого города — Пта.

Выдвижение в Среднем царстве Иллиополя окружает ореолом могущества и первенства бога Ра, но и культ Пта,

запечатленный в десятках храмов, в бесчисленных надписях, в молитвах и песнопениях, не мог исчезнуть бесследно. Бог Ра получает второе имя, он именуется теперь Ра-Пта. Династия фиванских князьков в Новом царстве выдвинула на первое место местного, до тех пор ничем особенно не отличавшегося бога — Амона.

«Три бога есть всего: Амон, Ра, Пта, — повествуется в одном памятнике из эпохи Нового царства. — Нет никого рядом с ними... Города их утверждены на земле навеки; это Фивы, Илиополь, Мемфис навсегда. Указ с неба заслушивается в Илиополе, повторяется в Мемфисе для Прекрасновеликого и, записанный на документе Тота, (посылается) во град Амона. В Фивах делу дается ход». Подобно тому, как решающее слово в государственных делах принадлежит теперь Фивам, так решающее слово в судьбах мира предоставляется богу Амону¹. Но больше того: Амон как бы поглощает своего предшественника, бога Ра. Амон именуется теперь Амон-Ра. Победа Фиванской династии рассматривается как дело милости бога Амона, как свидетельство его всемогущества. Рамзес III, обращаясь в молитве к Амону, говорит: «Ты возложил корону на голову мою», «Ты утвердил меня на троне отца моего», «Я вижу благодеяния твои, оказанные (мне) фараону, и воздаю тебе за них — великими и многими делами».

В Карнаке, где был воздвигнут обширнейший храм богу Амону, в надписи на памятнике Амон говорит Тутмосу III: «Я пришел и позволяю тебе сокрушить князей Заха, я бросаю их к твоим ногам вместе с их владениями, — я показываю им твое величие, когда ты, наподобие победителя света, блистаешь над их головами, как мое изображение. Я пришел, я позволяю тебе сокрушить страну Востока; Кафти и Аси трепещут перед тобой; я показываю им твое величие в виде молодого, храброго, снабженного рогами быка, против которого ничто не может устоять».

Амон, который в качестве скромного местного бога Фив был богом земли, стал в качестве общеегипетского бога грозным богом войны и победы. И как было не победить Амону-Ра всех других богов, когда один только победоносный Рамзес III воздвиг ему 65 храмов, из которых 56 находились в Египте и 9 в завоеванных странах, когда величественный храм в Карнаке, что был напротив Фив, строило несколько поколений фараонов, когда богу Амону были

¹ См. И. Т. Франк-Каменецкий — Памятники египетской религии в фиванский период, стр. 5.

стведены в Фивах сотни домов и садов, когда ему были приписаны бесчисленные поля, луга, леса, места охоты и рыбной ловли, когда у него были колонии в Ефиопии, в оазисах Ливийской пустыни и были вассальные города в Хаанаане? Недаром в торжественном гимне Амону верующие должны были петь: «Хвала тебе, хвала тебе, Амон-Ра. Мы превозносим твой дух, мы почитаем твой образ, ты — лучезарный, многоликий, многоцветный, сердца не насытятся любовью к тебе. Предвечный, сотворивший небо и создавший землю, создавший моря и горы, творец вселенной, — ты озарил землю во тьме, засиял в хаосе. Люди и боги появились лишь после тебя. Единный, имеющий власть оживлять, ты — победитель, владыка богов». В этом гимне Амон рисуется уже как владыка богов, который только один существовал предвечно, другие боги появились позднее. В гимне дальше имеются такие стихи: «Боги возглашают: «Мы славим нашего отца».

В половине VII в. до нашей эры выдвигается на первое место г. Саис в устье Нила. Саисские князья становятся фараонами Северного и Южного Египта. Главным божеством провозглашается Нейт, богиня Саиса. Она должна быть предвечной, она должна быть творцом вселенной. Так как в Саисе процветало ткацкое дело, эта легенда рассказывает, что Нейт соткала вселенную. Легенды провозгласили Нейт предвечной, не обойдя и всемогущего Ра. Про Нейт, богиню неба и материи, легенды теперь повествуют: «Она родила Ра первородно, когда еще не было рождений».

Так в фантастических образах религии отражалась история племенной борьбы. Но эти фантастические образы богов-царей играли в то же время гнуснейшую эксплуататорскую роль. Эти фантастические образы возникали, как отражение рабского строя, как отражение беспощадной эксплуатации покоренных народов.

Государственные религии древнего мира, как и все религии эксплуататорского строя, возводили на высоту божественного установления *классовое* неравенство, все ужасы рабства, эксплуатацию свободных трудящихся масс, их политическое бесправие.

Так, классовое деление древнеиндийского общества, осуждавшее плебеев — судр и париев — на вечную зависимость и кабалу, откровенно освящалось брахманизмом, учившим, что брахманы произошли из головы Брами, воины — из его рук, каста вайшиев — из его бедер, а судры — из его ног. К презренным же «париям» Брама не имеет никакого отношения, и потому они ниже стоят, чем животные, одно только при-

косновение к ним уже оскверняет благородного человека. Древнегреческие князья-феодалы, беспощадно эксплуатировавшие крестьянство, вели свою родословную непосредственно от богов и богинь. Они называли себя «лучшими» (aristoi), в то время как трудящиеся были «худыми» (kakoi). То же самое мы видим и в древнеегипетской религии. Про фараона говорили, что он тот же бог, что он «живет от существования всякого бога, он пожирает его внутренности».

Фараонам приписывается божественное происхождение. Первые три царя пятой династии: Усиркаф, Сагури и Кики рождены, как говорит легенда, от союза Ра с женой одного жреца. Восемнадцатая династия, происходившая от фиванских князей, связана кровно с покровителем Фив, богом Амоном. Рождение Тутмоса IV произошло так. Однажды ночью царица Египта увидела рядом мужа, затем лик Амона Фиванского. В ужасе она вскрикнула, а видение предсказало ей рождение сына, который будет царствовать в Фивах, после чего видение растаяло в облаке ароматов слаще и душистее всех благовоний Аравии.

Для феодального общества средневековья типичен бог в виде короля-сюзерена, со свитой малых богов, ангельских сил и святых, бог, олицетворяющий собою феодальное неравенство и эксплуатацию, основанную на крепостном труде. Святость и ненарушимость принципа феодального неравенства подчеркивается тем, что сверхъестественный мир так же строго делится по рангам, как и мир земной. Так например, ангельские силы вокруг христианского средневекового бога разбиты на девять разрядов: серафимы, херувимы, ангелы власти, ангелы престола, ангелы-архангелы и т. д.

Уже государственные религии древнего мира содержали в себе зародыш монотеизма, единобожия. Одним из путей развития монотеистических идей явилось отражение в религии организации деспотических монархий древнего мира. Так, победа Фив в древнем Египте над другими сильнейшими городами высоко превознесла бога Амона. Он считается уже предвечным творцом мира, он — владыка богов. То же самое мы видим в древневавилонской религии. Победа Вавилона выдвигает на первое место вавилонского бога — Мардука. Происходит соответствующая переработка легенд.

Бог Эа, который в свое время с возвышением гор. Эрида в Сеннааре, стал главным богом, властителем источников и морей, провозглашает теперь победоносного Мардука своим первородным сыном.

В свою очередь с присоединением Вавилона к Вавилону, бог Набу, имевший там семибащеный храм и считавшийся

богом вселенной, провозглашается сыном Мардука. Мардук подобно Амону, приобретает черты многоликого бога, т. е. другие боги считаются только образами, проявлениями Мардука. Так, Ниниб — Мардук силы; Нергай — Мардук битвы; Эниль — Мардук власти и царства.

Так культ земного царя вел к культу царя небесного. Молитвы, которые воссылали верноподданные своим фараонам, переносились затем на богов.

Так, к фараону Сети II подданные обращались:

«Поверни лик свой ко мне, солнце восходящее, озаряющее мир своим великолепием, лучезарный диск среди людей, изгоняющий тьму из Египта. Ты — образ отца твоего, восходящего на небосклоне, и лучи твои проникают во все страны; нет такого места, которое было бы лишено твоего блеска, ибо слова твои управляют судьбами всех стран. Когда ты почиваешь в твоём дворце, ты слышишь, что говорят по всей земле, ибо у тебя миллионы ушей. Очи твои сверкают ярче звезд небесных и видят лучше солнца. Когда кто-нибудь говорит даже в сених собственного дома, слова достигают ушей твоих. Если кто-нибудь совершает тайное деяние, око твое видит его, о царь, владыка милостивый, дающий всему дыхание жизни».

Создание «очей и ушей» царя, организация государственного сыска получали затем фантастическое отражение в образе всевидящего и всезнающего бога.

Таким же отражением деспотической организации явился и еврейский бог — воинственный и мстительный Иегова.

Но решающую роль в выработке идей об едином боге сыграло товарное хозяйство со стихийными силами его рынка. Слепая стихия рынка господствует над людьми. Неощущаемая физически, роковая и грозная власть товарного производства над обществом, его создавшим, получает отражение в виде веры в абстрактного, безличного бога, всеобъемлющего, всевидящего и всемогущего. Замаскированному характеру тягчайшей эксплуатации и рабства в капиталистическом обществе, имеющих облик «свободного» труда, «демократическим свободам» соответствует религиозное учение о равенстве всех людей перед господом.

Эти особенности религии капиталистического общества тонко отметил Маркс. Он писал в «Капитале»: «Для общества товаропроизводителей характерно общественно-производственное отношение, которое состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме как одинаковый чело-

веческий труд, — для такого общества *наиболее* подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.». Об этом же самом говорит Энгельс в «Анти-Дюринге»: «На дальнейшей ступени развития вся совокупность естественных и общественных таинственных сил переносится на одного всемогущего бога, который в свою очередь является лишь отражением абстрактного человека».

Это отражение абстрактного человека нашло наиболее полное выражение в *христианстве*. Но, говоря о последнем, необходимо помнить, что христианство само в соответствии с изменениями в социально-экономических отношениях принимало ту или другую свою разновидную форму. Есть существенные различия между первоначальным христианством, средневековыми его формами, каковыми являются католичество и православие, и позднее нарождающимися буржуазными разновидностями христианства, в виде например протестантизма или деизма.

Но эти различия разумеется не мешают играть христианским религиям подобно всякой другой религии гнуснейшую роль защиты и оправдания эксплуатации. Христианство возникает в эпоху распада рабского хозяйства.

В рецензии на книгу Даумера «Религия нового века» Маркс и Энгельс прямо говорят, что «христианству предшествовал окончательный крах античных «мировых порядков» и что христианство было просто выражением этого краха. В «Коммунистическом манифесте» мы читаем то же самое: «Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством». В полном соответствии с этими установками говорит Энгельс о времени возникновения христианства как эпохе разложения и в поздних своих работах «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «К истории первоначального христианства». В первой из этих работ Энгельс писал: «Во всех классах должно было находиться известное количество людей, отчаявшихся в материальном освобождении и искавших себе возмещение в духовном освобождении — утешения в сознании, которое спасало их от полного отчаяния». «Среди этих людей, страстно тосковавших по утешению, страстно желавших бежать от этого действительного мира в мир идеальный, большинство вербовалось из рабов. Во время этого-то всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения и выступило христианство». Раннее христианство, распространявшееся прежде всего среди низших

слоев народа, античного пролетариата и рабов, по которым сильно ударил экономический кризис, являлось идеологией упадка, беспомощности и отчаяния. Призывая верующих в небесное царство, христианство оставляло нетронутым царство земное; наоборот, оно приучало в страданиях и тяготах жизни, зависевших от порядка земного царства, видеть средство к спасению. В фантастическом образе страдальца-бога, добровольно принимавшего смерть и торжествующего только после смерти, отразилась беспомощность угнетенных классов греко-римского общества эпохи распада рабского хозяйства, не сумевших выступить на борьбу против существующих порядков с действительно революционными мерами.

В «Истории первоначального христианства» Энгельс делает сопоставление первоначального христианства с рабочим движением конца XIX в. Это сопоставление многих, плохо разбирающихся в марксистском учении, сбилось с толку. Эти люди увидели в сопоставлении только общие черты, а различия не заметили. Между тем общие черты касаются только внешней стороны, а различие носит коренной, принципиальный характер. Мы читаем у Энгельса:

«История первых времен христианства имеет много характерных точек соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство тоже вначале было движением угнетенных; оно возникло как религия рабов и вольноотпущенных, бедных и бесправных, покоренных или подавленных Римом народов. И то и другое, т. е. христианство и пролетарский социализм, проповедует предстоящее избавление от рабства и нищеты; христианство переносит это избавление в «потустороннюю» жизнь после смерти, на небо, социализм видит его в этом мире, в преобразовании общества. Оба учения терпели преследования и гонения, их последователи изгонялись, подводились под исключительные законы, одни в качестве врагов рода человеческого, другие в качестве врагов государства, религии, семьи и общественного порядка. И, несмотря на все преследования или даже прямо благодаря им, оба они победоносно, непрерывно прокладывают себе путь вперед».

Несколько ниже Энгельс еще раз четко и определенно подчеркивает, что христианство не стремилось, да и не могло в силу исторических условий стремиться, к преобразованию социальных порядков здесь, на земле. «Христианство, как это иначе и не могло быть ввиду исторических условий, хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в потустороннем, на небе, в вечной жизни,

после смерти, в предстоящем в недалеком будущем «тысячелетнем царстве».

Что же общего указывает Энгельс между древним христианством и рабочим движением? — То, что оба эти движения были движением угнетенных, претерпевали преследования, проповедывали грядущее избавление. Но коренное, принципиальное различие заключается в том, что именно подразумевали под «избавлением».

Энгельс дает в той же работе яркое описание экономического кризиса в эпоху возникновения христианства. Реального, действительного выхода здесь, на земле, «трудящиеся и обремененные» не видели. И Энгельс задает вопрос: «Где же тогда оставался выход, спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или совершенно противоположными друг другу интересами?» И он отвечает, что выход был найден: *«Но не в этом мире. При тогдашних условиях этот выход мог быть найден только в области религии»* (курсив наш).

Но это все как-раз и означает, что первоначальное христианство, выраставшее на почве протеста против создавшегося положения, играло в действительности контрреволюционную роль. Оно явилось фантастическим отражением беспомощности, бессилия и, как всякая религия, оправдывало и освящало эту беспомощность, закрепляло тот строй, те производственные отношения, на основе которых вырастало.

Энгельс анализирует подробнейшим образом хилиастические мечтания первых христиан, так называемое «Откровение Иоанна-богослова», которое возвещало страшную месть поработителям и мучителям на том свете и этим самым отвлекало трудящиеся массы от действительной борьбы здесь, на земле.

Таким образом, согласно марксистскому учению первоначальное христианство не было боевым революционным движением, как это утверждает Каутский, — с самого своего возникновения оно направлено против поработанных и эксплуатируемых. Об этом неоднократно писали Маркс и Энгельс в целом ряде своих произведений.

Так, в статье «Коммунизм «Рейнского обозревателя» в 1847 г. Маркс со всей резкостью подчеркивает гнусный контрреволюционный характер христианского учения. Ничего общего оно не имеет с революционностью: «Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к само-

му себе, самоуничужение, подчинение, смирение»; «на социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества». Маркс вскрывает со всей беспощадностью эксплуататорскую сущность христианства, оправдывающего эксплуатацию и насилие, освящающего классовое устройство общества, отвлекающего обещаниями райских блаженств трудящиеся массы от революционной борьбы. Эта характеристика относится не только к современному христианству, она относится и к первоначальному. Маркс говорит в данном месте, что в распоряжении христианства было 1800 лет, чтобы проявить свою истинную сущность. Далее Маркс указывает, что христианство оправдывало античное рабство, как превозносило и средневековое крепостничество. Все это показывает, что у Маркса идет речь о самой сущности христианского учения, о христианстве как первоначальном, так и современном.

В 1843 г. в статье в одной американской газете Энгельс выступает против легенды о первоначальном христианском коммунизме. Он скептически относится к этой легенде и заявляет прямо, что только по незнанию можно говорить, что христианство — это коммунизм. Наоборот, христианство как и вся библия, в целом враждебно коммунизму. Вот это замечательное место, чрезвычайно важное для понимания всех дальнейших работ Энгельса по первоначальному христианству:

«Одно впрочем примечательно: в то время как английские социалисты в общем враждебно настроены по отношению к христианству и вынуждены сносить все религиозные предрассудки истинно христианского народа, французские коммунисты, принадлежащие к нации, неверие которой общеизвестно, лично являются христианами. Один из их лозунгов гласит, что христианство есть коммунизм (*le christianisme est le communisme*), и они стараются это доказать между прочим при помощи библии, ссылаясь на коммунизм, в котором якобы жили первые христиане. Все это однако показывает только, что добрые люди отнюдь не являются лучшими христианами, хотя они и называют себя таковыми, ибо в противном случае они бы лучше были знакомы с библией и знали бы, что едва несколько строк в библии могут быть истолкованы в пользу коммунизма и что весь дух ее учения ему однако совершенно враждебен, как и вообще всякому рационалистическому воззрению».

Характерна также в этом отношении статья Энгельса «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний».

Как известно, многие из этих колоний были основаны последователями религиозных сект. На этом основании делались, да и еще теперь делаются, попытки не только примирить религию и коммунизм, но даже выводить последний из религии. Энгельс резко выступает против этого. Религия не помогает строить коммуны, а мешает — вот вывод Энгельса. «Ведь, очевидно, безразлично, верят ли лица, доказывающие делом осуществимость коммунизма, в одного бога, в двадцать богов, или совсем не верят в бога. Если они придерживаются нелепой религии, то это — только препятствие на пути к жизни в коммуне, и если тем не менее последняя осуществлена в жизни, то насколько легче это должно происходить у людей, свободных от подобных бессмысленных взглядов».

Необходимо остановиться на критике взглядов Каутского на первоначальное христианство. Понимание Каутским первоначального христианства ничего общего не имеет с марксистским учением о религии. Маркс и Энгельс подчеркивали всегда, что религия есть фантастическое, превратное отражение «несовершенства бытия», бессилия и беспомощности. В таком именно смысле трактуется ими также и раннее христианство. По Каутскому, христианство вовсе не возникает как фантастическое отражение бессильного протеста против существующего порядка. У него христианство на самом деле революционное движение. В то время как Энгельс непрестанно делает ударение на том, что первоначальное христианство переносит освобождение на тот свет, в загробное существование, т. е. играет объективно контрреволюционную эксплуататорскую роль, отвлекая трудящиеся массы от действительной борьбы, Каутский представляет все как раз наоборот. Раннее христианство, по Каутскому, — это революционная доктрина, это боевое пролетарское движение. Религия как таковая идеализируется. Создается легенда о двух религиях, о двух христианствах.

Одна религия — это религия духа, внутреннего убеждения, одним словом, чистая религия, религия как таковая. Другая религия — это то, что привносится в первую церковь, клиром, эксплуататорским государством. По этой схеме и происходит у Каутского развитие христианства; первоначальное христианство — революционное движение античного пролетариата, его учение — возвышенное, благородное учение. Но затем появляются клир, попы и епископы, и христианство разлагается. Маркс и Энгельс никогда так не разграничивали религию и ее аппарат — церковь. Говоря о «мерзостях христианства», они имели в виду не только

современное, но и древнее христианство. «Хилиастические мечтания», проповедь непротivления, самоотречения и самоуничтожения — все это играло объективно реакционную роль, закрепляло античное рабство, хотя носителями этих идей выступали сами рабы и античные пролетарии. Возникнув среди эксплуатируемых масс, среди слоев, находившихся на низу общественного строя, христианство с самого начала играет эксплуататорскую роль, направляется против тех, кто его выдвигал и создавал. Но ведь в этом и заключается роль религии как дурмана, глущащего классовое самосознание.

Каутский этого не понимает. Одно это уже убедительно свидетельствует, какой «марксист» Каутский, как далек он от учения Маркса и Энгельса. В главе «Христианство и социал-демократия» («Происхождение христианства») Каутский критикует положение Энгельса о том, что первоначальное христианство было религией рабов и пролетариата. По Каутскому, религией рабов оно не было. «Едва ли христианство можно назвать религией рабов, для которых оно ничего не сделало», — пишет он. Оказывается, по Каутскому, религия может вообще что-то делать реальное для эксплуатируемых. Религия, по Каутскому, вовсе не «опиум для народа», не «дух безвременья». Древнее христианство не сделало ничего полезного для рабов, но для античных пролетариев оно пыталось что-то сделать. Вот точка зрения Каутского! В полном соответствии со своим антимарксистским пониманием религии, в полном противоречии со всей установкой Энгельса Каутский заявляет: «Освобождение от нищеты, которое было возведено христианством, вначале мыслилось им очень материально, как освобождение еще в этом мире, а не на небе». По теории Каутского, христианство продвигает «диалектическое» развитие, превращается в свою противоположность. Вот этот центральный пункт в теории Каутского: «Мы видели, что христианство победило только тогда, когда оно превратилось в свою противоположность; что не пролетариат победил в христианстве, а эксплуататорский, захвативший в свои руки власть клир; что христианство победило не как разрушительная сила, а как сила консервативная, как новая опора эксплуатации и угнетения; что оно не только не уничтожило, но еще более укрепило императорскую власть, рабство, обездоленность масс и концентрацию богатства в немногих руках. Организация христианства, церковь, победила только потому, что она превратила свою первоначальную цель в ее прямую противоположность» (курсив у Каутского). Такого

«диалектического» процесса Энгельс не признавал за первоначальным христианством, он представлял развитие христианства совсем не так, как оно дано у Каутского, а поэтому Энгельс ничего и не пишет о «диалектике» раннего христианства. Каутский это заметил и объясняет, видите ли, тем, что Энгельс вовсе не интересуется этим вопросом. Странно выходит: центральный пункт, гвоздь всей проблемы, а Энгельс не интересуется. Вот оно — это курьезное до убожества — заявление Каутского: «Энгельс проводит и дальше, очень-очень подробно, параллель между христианством и Интернационалом, но он совсем не исследует дальнейшего хода развития ни христианства, ни рабочего движения. Диалектический процесс, совершившийся в христианстве, его не интересует, а между тем, если бы он его исследовал, он мог бы найти зародыш однородного процесса и в современном рабочем движении».

Мы должны остановиться еще в нескольких словах на том, как Каутский разрабатывал вопросы крестьянской войны в Германии, и в частности восстание Фомы Мюнцера. Каутский ни словом не обмолвился о приближении философского учения Мюнцера к атеизму. Между тем как Энгельс в своей «Крестьянской войне в Германии» подчеркивает, что Мюнцер в процессе классовой борьбы от критики католической религии переходит к критике религии вообще, становится в полном смысле политическим деятелем, в то время как вначале он больше выступал как церковный реформатор, — у Каутского дается совершенно другая установка, чем у Энгельса, установка, которая льет воду на мельницу христианских социалистов, попов и сектантов, пытающихся клерикализировать рабочее движение.

Мюнцер всецело исходит из древнего христианства, Мюнцер опирается в своей революционной борьбе на Библию — это у Каутского. Мюнцер принужден еще в силу современной ему обстановки облекать свою революционную мысль в библейские слова, но в процессе разворачивающейся классовой борьбы он приходит к критике христианства, приближается все более и более к атеизму — это у Энгельса. В социал-демократической литературе Каутский, разумеется, не одинок. Рассуждения о первоначальном христианском коммунизме мы найдем и у Лютгенау, и у Штампфера, и у многих других.

К сожалению, и в работах коммунистов мы также находим нередко повторение антимарксистской теории Каутского. Так, А. В. Луначарский в 1908 г. в своей книге «Религия и социализм» по вопросу о первоначальном христиан-

стве по существу дела повторяет Каутского. Не была изжита им эта ошибка и в «Введении в историю религий», вышедшем уже в 1923 г. Несколько лет назад выступил с рядом работ по первоначальному христианству Анри Барбюс («Иисус праведный», «Иуды Христа», — в русском переводе последняя была названа «Иисус против Христа»). Здесь мы опять находим попытку обосновать образ Иисуса как революционера-коммуниста. Мы уже говорили, что подобная трактовка древнего христианства — на руку врагам рабочего класса, помогает делу клерикализации рабочего движения. Маркс и Энгельс вели в продолжение всей своей жизни непримиримую, ожесточенную борьбу против попыток протащить религию и поповщину в рабочее движение. Они зорко следили за деятельностью попов, пытавшихся под прикрытием революционной фразы завоевать симпатии рабочих и тем самым закрепить влияние религии.

Остановимся еще вкратце на вопросе происхождения двух других наиболее распространенных наравне с христианством религий: буддизма и ислама. Буддизм с его отрицанием всякой борьбы и вообще жизни как источника разочарований и страдания явился в первоначальной своей форме выражением распада натурального хозяйства в индусском феодализме и развития торгового капитала, происходивших в IV—V вв. до нашей эры.

Буддийская религия со своим учением об отказе от классовой борьбы отражала настроения и трудящихся масс, бессильных бороться против гнета эксплуатации. Буддийская «нирвана» затушевывает классовую борьбу, освящая как высший идеал беспомощность и покорность. Вот почему в настоящее время буддизм в таких капиталистических странах Востока, как например Япония, пользуется щедрой поддержкой со стороны правящего класса.

Ислам, третья наиболее распространенная религия, явился идеологическим выражением тех социально-экономических переворотов, которые происходили в Аравии в VI в. Объединительные тенденции торгового капитала нашли идеологическое выражение в новой религии, выдвигавшей веру в единого бога вместо племенных богов-первопредков. Торговый капитал подчинил и закабалил как бедуинов-кочевников, так и соседние народы. Аллаху были приданы черты верховного кушца: «Бог кушил у верующих жизнь их и имущество их, платя им за них раем». Ислам стоит вечно на страже эксплуататорского строя. Коран поучает: «Не засматривайся очами твоими на те блага, какими на-

деляем мы некоторые семейства из них, на этот цвет дальней жизни» (XX, 131).

Кризис, который претерпевала Аравия в VI в., привел в движение средние и низшие слои городского населения против городской знати, феодалов и купцов, собиравших караванные торговые экспедиции и эксплуатировавших городскую бедноту и бедуинов-кочевников. Последние также присоединяются к этому движению и в конечном итоге представляют главную силу, на которую опирается городская оппозиция против богатых караванщиков-феодалов, «отцов» Мекки. Энгельс например писал в 1853 г. Марксу по поводу эпохи, в которую зарождался ислам: «Но до сих пор мне эта история представляется в виде бедуинской реакции против оседлых, но находившихся в упадке городских феллахов, которые тогда и в религиозном отношении находились в состоянии распада и к испорченному культу природы примешивали искаженное иудейством христианство». Как можно судить по отдельным местам старинных легенд, а также и корана, первоначальное движение, имевшее определенный классовый характер, связывалось очень мало с религией. Религиозное освещение все эти события получили в более позднее время, в легендах о Магомете и его сподвижниках, когда руководство движением уже перешло в руки мекканской знати. Именно в это время халиф Осман из знатного мекканского рода принимает меры к созданию единственно-«правильного» списка корана, приказав уничтожить все остальные списки.

Теперь все дело рисуется как борьба одной группы мекканцев во главе с мифическим Магометом против другой, как борьба из-за религиозных вопросов. Магомет побеждает мекканскую знать, та принимает ислам и становится сама во главе борьбы за новую религию. Десятки тысяч рядовых бедуинов-кочевников гибли при завоеваниях новых стран. Городская знать и шейхи кочевых родов получали все выгоды от этих завоеваний. Ислам возникал как фантастическое отражение этих социально-экономических отношений, как оправдание и освящение эксплуатации и насилия, совершавшихся в своеобразных условиях арабского феодализма с развивающимся в его недрах торговым капиталом. Как и всякая другая религия, ислам защищает эксплуататорский строй, освящает старые устои быта и жизни и потому используется сейчас врагами пролетариата в качестве испытанного орудия борьбы против социалистического строительства, против пятилетки.

Остановимся теперь несколько подробнее на вопросе о корнях религии в классовом обществе, в частности при капитализме.

В капиталистическом обществе корень религии, это — «господство капитала во всех формах» (Ленин).

Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «В современном буржуазном обществе люди подчинены созданным им самими экономическим отношениям, произведенным ими самими средствами производства как какой-то таинственной силе».

«Буржуазная экономика не в состоянии ни противодействовать кризисам вообще, ни спасти отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты; человек предполагает, а бог (т. е. внешнее господство капиталистического производства) располагает».

Современная действительность еще раз подтвердила правильность слов Энгельса. Современный мировой кризис капитала принес с собой небывалый расцвет поповщины и мистицизма.

Эксплуаторский мир хватается за религию и церковь, чтобы отсрочить свою неминуемую гибель, чтобы именем несуществующего бога уговорить рабочих и крестьян взвалить на свои плечи все тяготы кризиса, чтобы запугиванием адом и обещанием рая отвлечь рабочие массы от революционного движения.

В то же время под звон пасхальных и рождественских колоколов, поющих якобы о мире на земле, империалистам удобнее готовиться к новым войнам и к интервенции против СССР.

Ленин в своих работах неоднократно подчеркивал, что эксплуататоры поддерживают и закрепляют религию потому, что она им выгодна, потому, что она для них необходима. «Святые православия, — писал он в статье «Политическая агитация и классовая точка зрения», — тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе. В самом деле, когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного будто бы рая».

Если эксплуататорские классы сочувствуют и тянутся к религии, потому что она поддерживает их классовое господство, то религия среди эксплуатируемых масс поддерживается и закрепляется благодаря их бессилию в борьбе с эксплуататорским миром.

Мы уже приводили цитату из «Социализм и религия», в которой Ленин подчеркивает, что бессилие эксплуатируемых классов в их борьбе против эксплуататоров создает предпосылки для существования и развития религии в трудящихся массах.

Классовая практика, революционная общественная борьба ведет пролетариат к освобождению от гнета религии, — неоднократно говорят об этом Энгельс и Ленин в своих работах. Итак, корни религии согласно марксизму-ленинизму — главным образом социально-экономические.

При капитализме корень религии — в существовании классов, в эксплуатации, в бессилии и политическом бесправии эксплуатируемых, в анархии, бесплановости производства, в господстве самого производства над обществом.

В капиталистическом обществе «господство капитала во всех формах» поддерживает и питает религию.

Именно в таком смысле надо понимать слова Ленина, что в «современных капиталистических странах это корни, главным образом, социальные» (ст. «Об отношении рабочей партии к религии»). Социально-экономические отношения являются основной и решающей причиной порождения и существования религии. Ленин в своей статье «Социализм и религия» говорит еще об исторических корнях религии; в статье «К вопросу о диалектике» и в «Заметках на «Метафизику» Аристотеля» он говорит о гносеологических корнях и, наконец, неоднократно в разных местах своих статей о религии говорит также о бессилии человека перед природой как причине, порождающей религию. С точки зрения марксизма-ленинизма, разумеется, все эти причины социальные. Вместе с социально-экономическими отношениями той или другой экономической формации они представляют единый диалектический процесс, который поддерживает, питает и развивает религию. Неверно было бы представлять, что все эти причины существуют и действуют самостоятельно, сами по себе, а не являются единым процессом, который мы рассматриваем с разных сторон.

Что такое исторические корни религии?

Это все то, что существует как пережиток от предыдущих социально-экономических формаций или от предыдущих стадий данной социально-экономической формации, проделавшей уже известный путь развития. Это историческое прошлое, оставшееся и переплетающееся с настоящим. Это идеологическое наследство предыдущих формаций. Это власть прадедовских обычаев и традиций, возникших как надстройка на базисе социально-экономических отношений

какой-либо предыдущей формации. Возьмем для примера хотя бы семью и положение в ней женщины и детей. Авторитарная организация семьи с рабским положением в ней женщины и вся относящаяся к этому идеология не является непосредственной надстройкой над социально-экономическими отношениями капиталистического общества. Это идет еще от рабской и феодальной формации. Как пережиток эта организация семьи сохраняется на многих окраинах Советского Союза еще в переходный период. Например еще во многих местах требуется немало работы и борьбы в связи с освобождением восточных женщин от паранджи. Разумеется, авторитарная организация семьи с рабским положением в ней женщины и детей, с беспрекословным авторитетом главы семьи — отца — не может и сама по себе не влиять в религиозном отношении на сознание и чувство. Такая семья воспитывает навыки, благодаря которым легче воспринимается религиозное учение о боге, грозном управителе мира, требующем к себе беспрекословного повиновения.

Возьмем в качестве другого примера религиозные праздники и обычное времяпрепровождение в течение этих праздников. Праздничный быт — явление глубоко социального порядка, это надстройка над определенными социально-экономическими отношениями. В православном праздничном быту нашли свое отражение феодальные отношения, с определенным распорядком труда. Уже для эпохи капитализма этот религиозный праздничный быт — явление историческое, тем более оно становится историческим для переходного периода, для первой стадии коммунизма. Но это историческое явление оказывает свое влияние на сознание и чувство людей, поддерживая в них религиозные настроения и мировоззрение.

Мы привели два примера исторических корней религии, оставшихся еще от эпохи рабских и феодальных отношений. Но и от капиталистического строя, разумеется, переходит немало установлений и распорядков в первую стадию коммунизма — социалистическое общество.

Вспомним, напр., что писал Ленин о «слабостях-недостатках», о старых сепаратистских мелкобуржуазных привычках и навыках, которые тянут пролетариат книзу; все это — «наследство прошлого», преодолеть которое и является одной из задач социалистического перевоспитания трудящихся во вторую пятилетку. Но это «проклятое наследство» капиталистического строя получило свою высшую санкцию от религии. Между этими «родимыми пятнами капитализма»

и религией существует самая тесная связь. В результате взаимодействия они друг друга укрепляют и поддерживают. Таким образом мелкособственнические сепаратистские навыки и привычки, поскольку они еще не будут изжиты окончательно и полностью в первое время существования социалистического общества, могут задерживать процесс отмирания религии.

Необходимо сказать несколько слов также о причинах зарождения и существования религии, вытекающих из отношений человеческого общества к природе. Причины эти также конечно социального порядка. Бессилие человека перед стихийными силами природы, порождающее религиозное чувство, есть отношение не отдельного человека к природе, а отношение к природе человеческого общества. С точки зрения марксизма-ленинизма, единственно правильной и научной, нет человека вне общества, — есть общественный человек. Всем известно, что писал Маркс по этому поводу в своих тезисах о Фейербахе, критикуя его «абстрактного» человека. Если в первобытном, доклассовом обществе бессилие человека перед природой создавало определенные общественные отношения внутри первобытной коммуны и являлось причиной, порождающей первобытную религию, то в классовом обществе в первую очередь поддерживали религию классовые отношения, хотя и отношения человека к природе безусловно играли и играют, даже в капиталистическом обществе, известную роль. Но эти отношения человека к природе не являются непосредственными, они преломляются, в снятом виде, через призму классовых отношений. Ураган, уничтожающий всходы на полях, оказывает в конечном результате не одно и то же действие на крестьянина-бедняка и крестьянина-кулака или помещика. Если первый в результате стихийного бедствия оказывается, предположим, разоренным окончательно, то кулак или помещик могут от всего этого даже выиграть, так как предложение дешевой рабочей силы может с излишком покрыть спрос и т. п.

Перейдем теперь к вопросу о гносеологических корнях религии. Прежде всего сами гносеологические корни являются корнями социальными, потому что человеческое мышление как таковое появилось только в обществе, следовательно есть явление социального порядка.

В то же время социально-экономические отношения оказывают определенное влияние на человеческое познание. Это влияние, разумеется, идет самым сложным путем. Как указывает Ленин в статье «К вопросу о диалектике», че-

человеческое познание есть сложнейший, многогранный процесс. В силу действия всей совокупности явлений, характерных для той или другой социально-экономической формации, может в этом процессе познания выпячиваться по преимуществу и главным образом какая-либо одна сторона, какой-либо один момент. Классовые интересы заставляют общество подходить к явлениям окружающего мира с одной какой-либо стороны, вместо того чтобы охватывать их всесторонне. Этот подход получает идеологическое закрепление в философии, религии. Создаются определенные навыки, подходы в самом процессе познания. Вот почему гносеологические корни религии в конечном счете — корни социальные.

Остановимся прежде всего на том, что говорил Ленин о гносеологических корнях религии и идеализма, т. е. такой философии, которая признает за основу мира дух.

Познание человека, говорит Ленин в статье «К вопросу о диалектике», не идет по прямой линии. Это есть «кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали». «Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)».

В заметках на «Метафизику» Аристотеля Ленин показывает, как это происходит:

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятие) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себе возможность отлета фантазии от жизни, мало того, возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете — бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии».

В обществе, в котором производственные отношения покоятся на эксплуатации и угнетении (в доклассовом же обществе это происходит под влиянием других социальных причин), этот «кусочек» фантазии в познании человека вырастает в поповщину, идущую на пользу эксплуататоров. Этот «отлет фантазии» сам по себе еще не создает религии, но он дает возможность для ее возникновения. Как пишет Ленин, «раздвоение познания человека и возможность идеа-

лизма (религии) даны уже в первой, элементарной абстракции — «дом» вообще и отдельные дома».

Между нелепыми представлениями дикарей о духе, этим первобытным идеализмом, и философией Канта, Гегеля, идеей бога в современных религиях есть много общего.

Для создания понятия о «духе» той или другой вещи (у греческого философа Платона вместо дикарского духа — идея) и понятия кантовской «вещи в себе», гегелевского «духа», «абсолютной идеи» понадобилось этот «отлет» фантазии закрепить, представить в виде какой-то самостоятельной сущности. Ленин в тех же заметках на «Метафизику» Аристотеля говорит: «Идеализм первобытный: общее понятие (идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее, ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм: Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и идея стола и стула, мир и идея мира (бога), вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе», связь земли и солнца, природы вообще и закон, логос и бог». Ленин таким образом подчеркивает, что между религией и идеалистической философией имеется самая тесная связь.

Обусловленные всем историческим процессом гносеологические корни идеализма и религии находили себе особую питательную базу в каждой экономической формации.

Возьмем тот же процесс выделения одной какой-либо части из целого, изолирования этой части, представления о ней как о какой-то самостоятельной сущности, как о каком-то абсолюте.

Что происходит например в капиталистическом обществе с его неодолимой гранью между физическим и умственным трудом (что свойственно и другим классовым формациям), с его разделением труда на тысячи замкнутых специальностей, с его узко-индивидуалистической психикой? Возьмем область умственного труда в условиях капитализма. Каждый работник сидит на своей специальности, как моллюск в своей скорлупе, не зная, что делается рядом в соседней науке. Нет единого плана в общем процессе познания, как его нет и в хозяйственной жизни капиталистического общества. Каждый действует сам по себе. Отсюда естественно, что отдельные части и явления природы или общества, не связанные между собой в процессе познания, выделяются, обособляются, рассматриваются как самостоятельные сущности, как абсолюты, что ведет в болото поповщины. Социалистическое общество с единым хозяйственным планом, с единым научно-исследовательским

планом всеми своими социально-экономическими отношениями будет создавать другие гносеологические навыки и подходы, способствуя наиболее полному и всестороннему познанию действительности.

Экономические формации до капитализма, не знавшие машинного способа производства, разделяющегося на десятки и сотни отдельных операций, базирующиеся на ручном производстве, когда каждая вещь выходила по преимуществу из рук одного какого-либо мастера, способствовали созданию представлений об едином мастере всех вещей мира, о божестве-творце. Это относится и к кустарному производству капиталистического общества.

Создавался особый гносеологический подход к явлениям мира, за которыми обязательно искали творца, мастера. Повторяем, что влияние экономики на гносеологические корни шло сложнейшим, многообразным путем. В антирелигиозной практике до сих пор приходится сталкиваться с подобными взглядами и, так сказать, с гносеологическими навыками верующих.

Тысячелетиями выработывался также анимистический подход к природе, когда за явлениями природы пытаются увидеть духовное начало, когда вещам и явлениям природы и самой природе в целом приписывают человеческие черты и свойства. Борьба материалистической философии с идеализмом дает немало примеров критики этого антропоморфизирования природы и ее отдельных явлений. Например философские труды Спинозы представляют величественную картину такой борьбы, что еще раз доказывает материалистические целеустремленность и характер его философии.

Гносеологические предпосылки, как и исторические пережитки, становятся корнями религии только при наличии корней экономических, т. е. при действии «превратных», по выражению Маркса, экономических отношений той или другой социально-экономической формации. При капитализме действовала на них капиталистическая экономика, а при рабском строе экономика, основанная на рабском труде. Но это не значит, что при уничтожении экономических отношений, порождающих религию, сразу же прекращается действие исторических и гносеологических корней, — последние будут действовать как исторические пережитки, причем и гносеологические корни, так сказать, становятся пережитками.

Из всего вышесказанного видно, что «идея бога», — как писал Ленин Горькому, действительно всегда «связывала угнетенные массы верой в божественность угнетателей».

закрепляла придавленность трудящихся масс, примиряла их с гнетом и эксплуатацией, гасила классовую борьбу. Но в то же время в истории известны факты, когда освободительные и революционные движения совершались под флагом религии. Об этом Ленин в том же письме к Горькому писал: «Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и на такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой, но и это время давно прошло. Теперь в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная, защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции» (курсив Ленина).

Почему и как это происходило? Борьба буржуазной демократии против феодализма была борьбой одного эксплуататорского класса против другого. Поскольку феодального общества освящала и закрепляла феодальные порядки, революционная буржуазия принуждена была обратиться к критике религии, несмотря на то, что религия освящала принципы частной собственности и эксплуатации. Эта критика приводила некоторых идеологов буржуазии к атеистическим выводам. Но классовые интересы заставляли новый эксплуататорский класс держаться за религию как за оружие эксплуатации. В этом отношении просветительская философия Вольтера типична и характерна для всех периодов классовой борьбы капитала с феодализмом. Ненависть Вольтера к католической церкви, столь ярко выраженная в возгласе «*écrasez l'infâme*» («раздавите гадину»), прекрасно уживалась с его воинственным отношением к атеизму, подрывавшему всякую религию. Вольтер не скрывал, что религия является самой прочной уздой для народа.

Новые эксплуататорские классы боролись за такой порядок мира, который не устранял корней религии, а, наоборот, укреплял их. Вот почему чаще всего борьба буржуазной демократии с феодализмом, вызывавшая критику феодальной религии, сама велась в форме религиозной борьбы. Благодаря господству религиозного мышления в обществе критика существующих социально-экономических порядков и религии, поддерживающей эти порядки, велась также в религиозной форме, в форме борьбы за лучшую религию.

Были в истории факты, когда и нарождающийся пролетариат вел классовую борьбу под флагом религии. И в настоящее время отсталые слои пролетариата пытаются вести ее в форме христианского социализма, участия в христианских профсоюзах и т. п. Все эти факты говорят о сла-

бости и отсутствию классовой сознательности у пролетариата или у отдельных его прослоек, говорят о том, что пролетариат в данном случае находится под влиянием классово чуждой идеологии. В результате получается, что религиозные лозунги и установки дезорганизуют трудящиеся массы, отвлекают их от действительной классовой борьбы и по существу дела играют не революционную, а контрреволюционную роль.

Буржуазный и пролетарский атеизм

1. Зависимость атеистического движения и форм его развития от социально-экономических классовых отношений.

2. Буржуазный атеизм XVIII века как выражение классовых интересов буржуазии того времени в борьбе против феодализма. Идеалистическое понимание исторического развития французскими материалистами. Теория возникновения религии вследствие обмана масс жрецами — пример идеалистического подхода буржуазного атеизма к вопросам религии. Половинчатость и непоследовательность буржуазного атеизма. Буржуазный атеизм — атеизм для избранных.

3. Буржуазный атеизм в его борьбе против религиозных организаций. Проекты запрещения религии (Дюринг), попытки административного насаждения новых, искусственно созданных религий (культ Разума в Великой французской революции). Сведение борьбы с религией к культурищанью.

4. Теория пролетарского атеизма, разработанная Марксом, Энгельсом, Лениным. Научная последовательность, боевая непримиримость и тесная связь с практикой классовой борьбы пролетариата — характерные черты пролетарского атеизма.

5. Ленинский этап пролетарского атеизма. Борьба Ленина против ревизионизма и оппортунизма II Интернационала в вопросах борьбы с религией, против попыток социал-предательских вождей спасти религию посредством ее подновления. Дальнейшая разработка Лениным теоретических проблем диалектико-материалистической философии и пролетарского атеизма.

6. Марксистско-ленинские методы борьбы с религией. Подчинение борьбы против религии задачам классовой борьбы пролетариата. Борьба марксизма-ленинизма на два фронта: против правого оппортунизма, примиренчества с религией и против «левых» загибов, против административных мер борьбы с религией.

Атеизм — мировоззрение, отрицающее существование сверхъестественного мира, — развивался и креп в процессе классовой борьбы. Атеистические системы несут черты того класса, который их создавал. Так атеистические идеи древнегреческого мира являются идеологическим выражением той борьбы за власть, которую вел торговый капитал древности с землевладельческой феодальной знатью.

Английский материализм и атеизм XVII в., как указывал Энгельс, был аристократического происхождения, являлся выражением борьбы высшей аристократии против верующей буржуазии, одерживавшей победы. Но в основном атеизм нового времени вырос на почве борьбы нового, идущего к власти капиталистического класса против феодального мира. Однако буржуазный атеизм, как идеология нового эксплуататорского класса не мог дать последовательную атеистическую систему: он носит на себе черты половинчатости и компромисса.

Энгельс в «Очерках критики политической экономии» вскрывает социально-экономические причины половинчатости и непоследовательности буржуазного атеизма: «XVIII век, — писал Энгельс, — век революции, революционизировал и экономию, но подобно тому, как все революции этого столетия были односторонни и увязали в противоречиях, подобно тому, как абстрактному спиритуализму был противопоставлен абстрактный материализм, монархии — республика, божественному праву — общественный договор, так и экономической революции не удалось выйти за пределы этого противоречия. Всюду остались те же предпосылки, материализм не тронул христианского презрения и унижения человека и только вместо христианского бога противопоставил человеку как абсолют природу; политика и не подумала исследовать предпосылки государства как такового; экономии не приходило в голову поставить вопрос о правомерности частной собственности».

Буржуазный атеизм нового времени носит узко просветительский характер. Буржуазный атеизм не выходит из идеалистического круга представлений о происхождении религии, ее корнях и способах борьбы с нею. Религия есть обман жрецов, использовавших невежество народных масс, — такова отправная установка буржуазного атеизма в его практической деятельности. Ленин писал в статье «Об отношении рабочей партии к религии» о буржуазном атеизме: «Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный атеист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм. Распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество».

Идеалистическая по существу система буржуазного атеизма может привести и приводит к чисто административным

мерам борьбы против религии. Поскольку буржуазный атеизм полагает, что обман, мошенничество жрецов над невежественными массами, будучи закреплено законодательством, создает религиозную систему, то борьба с религией рисуется в весьма упрощенном виде. Взамен законов, закрепляющих религию, необходимо издать пару-другую законов, запрещающих ее, — и все будет кончено. Так был издан в эпоху Великой французской революции мелкобуржуазными политиками, действовавшими в духе указанной теории, декрет о замене феодальной католической религии новой, буржуазной религией разума. Первый параграф декрета Конвента 18 флореаля II года о культе верховного существа гласил: «Французский народ признает существование верховного существа и бессмертие души».

Анархические проекты «запрещения» религии ведут теоретическое происхождение от этого же круга идей. Случающиеся кое-где по временам «левые» загибы в антирелигиозной борьбе и у нас в эпоху строительства социализма ничего общего не имеют с учением марксизма-ленинизма о борьбе с религией и, наоборот, сродни теориям буржуазного атеизма.

Буржуазный атеизм — это атеизм для немногих, для избранных людей. Буржуазные атеисты не шли к массе, не ставили себе задачу развертывания антирелигиозной пропаганды среди широких масс трудящихся.

Великий атеист прошлого, идеолог молодого, равшегося еще тогда к власти класса буржуазии, Гольбах не мог представить, что атеистическое движение примет когда-либо массовый характер и закончится полной победой над религией. «Спросят, — писал он в «Системе природы», — может быть, возможно ли рассчитывать вытравить когда-нибудь у целого народа его религиозные представления. Я отвечаю на это, что подобная вещь совершенно невозможна и что не ее следует ставить целью». Классовый буржуазный характер материализма Гольбаха ярко сказывается в его указаниях, для кого именно должен работать атеист-философ. «Не для толпы должен писать или предаваться размышлениям философ», — вот что говорит Гольбах в «Системе природы». Классовый инстинкт подсказывал идеологам молодого класса буржуазии, что их борьба против церкви и религии — ярой защитницы феодальных устоев — должна вестись до известных пределов и в определенном кругу лиц. Разве не обращался Спиноза в предисловии к своему «Богословско-политическому трактату» только к читателю-философу и не предостерегал «толпу» от чтения его труда? «По-

этому и толпу и всех тех, кто подвержен таким же аффектам, как она, я не приглашаю к чтению этого труда, — писал он, — «даже лучше желал бы, чтобы они совсем не обратили внимания на эту книгу, нежели были бы огорчены ею, толкуя ее превратно, как это обыкновенно они всегда делают». Но особенно ярко сказались эти классовые тенденции на творчестве Вольтера. Полный негодования, Вольтер кричал поднимающейся буржуазии, чтобы она раздавила гадину-церковь. Он дал неповторимые по своему сарказму, страницы, разоблачающие нелепость христианства и религии вообще. Вольтерьянец в XVIII в. и долго спустя был синонимом атеиста. Но не надо забывать, что великая буржуазная революция почтила память Вольтера перенесением его праха в Пантеон не только за борьбу против церкви, но и против атеизма. Почетная надпись, выгравированная на его гробнице, начиналась словами: «Он боролся против атеистов и фанатиков».

Вольтер — философ и коммерсант по натуре — прекрасно понимал, какую роль в обуздании трудящихся масс играет идея бога. Как известно, у него есть афоризм: «Если бы бога не было, его надо было бы выдумать». Он и «выдумывал» всю свою жизнь деистического бога, тщетно пытаясь подобрать неопровержимые доказательства его существования.

Но несмотря на все недостатки буржуазного атеизма французские атеисты XVIII в. — Гольбах, Гельвеций, Дидро и другие — дали в своих произведениях убийственную критику религиозного мировоззрения и в частности христианства. Энгельс, затем Ленин в статье «Социализм и религия» и в письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма», указывают на необходимость использования в современной антирелигиозной борьбе пролетариата боевой атеистической литературы французских материалистов.

Только пролетариат может поставить себе целью развернуть пропаганду атеизма для миллионов, для всего трудящегося человечества и при непосредственном участии в этой борьбе этих миллионов. Только марксизм-ленинизм, теория пролетарского атеизма, вскрывающая социальные корни религии, могут дать обоснование возможности и неизбежности полного исчезновения религии с уничтожением классового, эксплуататорского общества. Коммунизм уничтожает религию — так ставился вопрос Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте». «Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями, неудивительно,

что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями», — читаем мы там же. И подобно тому, как политическое и экономическое освобождение пролетариата есть дело самого пролетариата, так и дело его духовного освобождения от всевозможной поповщины и чертовщины есть его собственное дело, в котором должны участвовать не единицы и десятки школьных профессоров, хотя бы и из среды пролетариата, но миллионы трудящихся. Так ставит вопрос о борьбе с церковью и религией марксизм-ленинизм. Ленин писал в своей статье «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», что только представитель рабочей партии и рабочего класса Сурков, только он один из всей Думы поднял во время дебатов о синодальной смете шпиреня на принципиальную высоту и высказал с революционной прямоотой и решимостью точку зрения пролетариата на религию и церковь. «Религия есть опиум народа». «Ни одного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространяют его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие».

В статье «О значении воинствующего материализма» («Под знаменем марксизма», 1922 г., № 3) Ленин ставит вопрос о том, как надо подойти к многомиллионным народным (особенно крестьянским и ремесленным) массам, чтобы пробудить их от религиозного сна.

В отличие от буржуазного атеизма, половинчатого и компромиссного, изъеденного червоточиной идеализма, марксизм-ленинизм является последовательной до конца теорией пролетарского атеизма. Усматривая в существовании самой капиталистической системы основную причину существования религии при капитализме, марксизм-ленинизм борьбу против религии подчиняет классовой борьбе пролетариата против капитала.

«Борьбу с религией, — формулирует эту точку зрения Ленин, — нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди. Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии». Эта основная, принципиальная установка ленинизма в вопросе борьбы против религии является дальнейшим развитием и углублением, на основе практики рабочего движения, положений, высказанных еще Марксом в «К кри-

тике гегелевской философии права». «Упразднение религии как призрачного счастья народа, — писал Маркс, — есть требование его действительного счастья. Требование отказаться от иллюзий о своем положении есть требование отказаться от положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть следовательно в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия. Критика сорвала воображаемые цветы с цепей не затем, чтобы человек носил трезвые, безнадежные цепи, а затем, чтобы он сбросил цепи и срывал живые цветы. Критика религии разочаровывает человека, чтобы он мыслил, действовал, разоблачал свою действительность как разочарованный, образумившийся человек; чтобы он двигался вокруг себя самого и своего действительного солнца».

Марксизм-ленинизм есть теория воинствующего атеизма. Революционный пролетариат, борющийся за победу социализма, не может не вести борьбы против религии, ибо, как писал Ленин, идея бога закрепляет классовую придаленность, усыпляет классовую борьбу.

Борьба против религии — один из участков революционного фронта пролетариата, — так мы можем охарактеризовать учение марксизма об антирелигиозной борьбе. Вот почему Маркс и Энгельс не могли не требовать от партии рабочего класса ведения антирелигиозной работы. Борьба с религией — дело пролетариата, задача пролетарской партии, — таков вывод из марксистского учения о религии. Мы знаем, как непримиримо выступал Маркс в своей знаменитой «Критике Готской программы» против стремления немелкой социал-демократии отказаться от антирелигиозной борьбы.

Маркс пишет, «что ее (т. е. рабочей партии. — А. Л.) собственная задача состоит в том, чтобы освободить совесть от всякой религиозной чертовщины». Маркс подчеркивает, что добиваться отделения церкви от государства необходимо для развертывания антирелигиозной борьбы. Именно в этом и заключается революционность лозунга «религия — частное дело», частное дело по отношению к государству, но не к партии. Вот почему «по отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований», — так писал Ленин в 1909 г.

Требую развертывания антирелигиозной борьбы, марк-

сизм-ленинизм в отличие от буржуазного атеизма решительно выступает против чисто административных способов борьбы с религией.

Ленин писал в статье «Об отношении рабочей партии к религии»: «В 1877 г. в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии значит, говорит Энгельс, «перебисмаркить самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870 годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Обвиняя стремившегося быть ультра-революционным Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии умения работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией». Это отношение марксизма-ленинизма к вопросу о формах борьбы против религии нашло свое выражение и в программе ВКП(б), которая, говоря о необходимости организации самой широкой научно-просветительной антирелигиозной пропаганды, подчеркивает, что «при этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма».

Всю жизнь вели непримиримую борьбу с религией основоположники марксизма-ленинизма. Маркс, Энгельс, Ленин рассматривали борьбу с религией как один из участков общеклассовой борьбы пролетариата против капитала. Никакого компромисса, никакого примиренчества по отношению к религии и церкви быть не может. Маркс и Энгельс вели в течение всей своей жизни ожесточеннейшую борьбу против попыток протаскать религию в рабочее движение, против христианского социализма и тому подобных течений.

В 1869 г., вернувшись из Бельгии, Маркс пишет Энгельсу, что необходимо со всей энергией выступить против попов, что Интернационалу надо развернуть широкую кампанию по их разоблачению. Маркс, приводя в пример одного епископа и попов на съезде в Дюссельдорфе, прямо пишет, что «эти собаки заигрывают с рабочим вопросом там, где это им кажется подходящим».

В 1846 г. Маркс и Энгельс выступили против христианских социалистов в «Манифесте против Криге». Эта статья

является характерным примером той ожесточенной, непримиримой борьбы, которую вели основоположники марксизма против христианского социализма, против всякой попытки протащить религию и «боженьку» в рабочее революционное движение.

Маркс и Энгельс показывают, что христианская проповедь любви объективно всегда играла и играет реакционную роль, она не направляет эксплуатируемые массы на борьбу против эксплуататорского мира, а, наоборот, отвлекает их от борьбы. Вот что писали по поводу этого Маркс и Энгельс: «Эта любовь раскрывается в сентиментальных фразах, которые не могут устранить действительных, фактических отношений, она усыпляет человека той теплой сентиментальной размазней, которой она его кормит».

Они пишут далее, что «христианские мечты являются лишь фантастическим выражением существующего мира». Маркс и Энгельс клеймят выступление Крüge как попытку протащить под вывеской коммунизма все «мерзости христианства». Они подчеркивают, что проповедь Крüge есть проповедь самоуничужения и самооплевания, что эта новая религия Крüge ведет к подлому рабскому унижению, как и всякая другая религия. Всю свою жизнь Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу против подобных попыток протаскивания «мерзостей христианства» в рабочее движение.

Ярким примером того, как непримиримо боролся Ленин против малейшей попытки протащить религию в рабочее движение, является его борьба против богостроительства. Ленин вскрывает со всей беспощадностью контрреволюционный буржуазный смысл богостроительства. Так, он писал:

«Есть литературная компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Максимов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контрреволюционных целях понадобилось оживить религию, поднять спрос на религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контрреволюции целует и зацелует буржуазная пресса богостроителей».

Ленин развил дальше марксистское учение о религии и борьбе с ней. Ленин поднял пролетарский атеизм на новую, высшую ступень. В ожесточенной борьбе с оппортунистами

и предателями II Интернационала, выступая в эпоху развитого империализма и пролетарских революций, Ленин восстановил учение марксизма, углубил и развил его дальше. Ленин вносит новое в сокровищницу марксизма и по вопросу о религии. Характерным для эпохи развитого империализма, как стадии уже загнивающего капитализма, является рост мистики, идеализма и поповщины. В своем наступлении на рабочий класс буржуазия использует все в большей и большей степени идеализм и религию. «Дипломированные лакеи поповщины» работают в соответствующем направлении во всех областях научной мысли: в философии, естественных науках, истории, этнографии и т. д. Оппортунисты из II Интернационала, вместо того чтобы дать отпор наступлению буржуазии на идеологическом фронте, сдают все позиции и сами тащатся в хвосте у буржуазных ученых. Делаются попытки «подстричь» Маркса под Канта, «поженить» его с Махом и Авенариусом. Наряду с эмпириокритицизмом вырастают эмпириомонизм, эмпириосимволизм и прочие измы. Идет генеральное наступление на диалектический материализм.

Одновременно с этим «дипломированные лакеи поповщины» пытаются спасти религию при помощи «подчистки» и «подновления», примирить ее со своей «наукой», лишенной ими же материалистической основы. «Подчистка» и «подновление» религии необходимы буржуазии, чтобы так или иначе удержаться в повиновении все более и более революционизирующейся трудящейся массы. Для эпохи загнивания капитала характерна «утонченная», «подчищенная», «подновленная» религия. Вот почему Ленин, выступив в жестокий, непримиримый бой на защиту диалектического материализма, в то же время уделяет такое большое внимание разоблачению всякого вида «утонченной» поповщины, клеймя ее как самую гнуснейшую, самую омерзительную вещь, какие только есть на свете.

Ленин разрабатывает дальше вопрос о гносеологических корнях идеализма и религии, которого касались уже Маркс и Энгельс. Ленин формулирует как партийность в философии ее служение делу пролетарской революции и подчеркивает, что одним из важнейших признаков партийности философии является ее борьба против религии. Философские работы Ленина, как и работы Маркса и Энгельса, служат в этом отношении наилучшим образцом партийности. Недаром статья Ленина «О значении винетствующего материализма» является одновременно и философским и антирелигиозным завещанием.

Выступая против примиренчества II Интернационала с религией, Ленин, как это делали и основоположники марксизма, требует от пролетарской партии, чтобы она вела борьбу с религией, и в то же время, имея перед собою уже богатейший опыт классовой борьбы пролетариата и его партии, Ленин показывает, как надо подчинять антирелигиозную работу диалектике революционного движения пролетариата. Ленин не только беспощадно разоблачает контрреволюционную сущность выступления «дипломированных лакеев поповщины», вроде Дрекса, но и показывает, как надо, критикуя и разоблачая их реакционность, использовать их в то же время для борьбы против религии в интересах революционного движения.

«Подчищая» и «приспосабливая» религию, Дрекса нанесли не мало ударов не только официальным догматам той или другой религии, но, сами того не заметив, и религии вообще. И это можно и надо использовать.

Вместе с тем Ленин дает ценнейшие указания не только относительно содержания, но и относительно самих методов антирелигиозной работы.

В отличие от пролетарских партий III Интернационала социал-демократические партии отказываются от какой-либо борьбы с религией, провозглашая ее «частным делом» по отношению к партии.

Предавая рабочий класс, социал-демократия одновременно с извращением всей марксистской теории не могла не извратить и марксистского учения о религии. Мы уже видели, как, идеализируя первоначальное христианство, Каутский идеализирует религию вообще и протягивает руку христианскому социализму, помогает попам и сектантам клерикализировать рабочее движение. Мы видели, как Кунов, извращая марксистское учение о происхождении религии, протаскивает идеалистические установки и облагораживает религию. Теоретики социал-фашизма пытаются подорвать самое основание, на котором держится все учение марксизма о религии. Они отрывают друг от друга диалектический материализм и исторический материализм, объявляя, что исторический материализм соединим с любой философией, как это делает например Отто Бауэр. Подобно всем «дипломированным лакеям поповщины», спасающим религию при помощи ее «подновления» и «подчищения», теоретики из II Интернационала занимаются такой подчисткой, создав, как мы уже говорили выше, теорию двух религий: религии хорошей и религии плохой. Первая — это дело внутреннего убеждения, «духа», и так далее в том же роде, вторая — это церковная

религия, навязанная авторитетом извне. Все это идеалистическая чепуха, все это буржуазные перепевы о возникновении и развитии религии из самосознания человека.

Те же социал-фашистские теоретики, которые участвовали в движении пролетарских свободомыслящих, совершенно извратили революционные установки Маркса и Энгельса об антирелигиозной борьбе.

Наглядно это можно проследить в практике и теории бывших лидеров Интернационала пролетарских свободомыслящих, социал-фашистов Гартвига, Сиверса, Ронцаля. Эти господа пытались свести антирелигиозную борьбу к голому культурничанью и абстрактному просветительству, лишить ее боевого, революционного направления. В то же время они кричали о революционности своего «атеизма». Гартвиг в ряде брошюр («Иисус или Карл Маркс», «Бог и страшный суд») выставляет тезис, что «путь к социализму лежит через развалины церкви», «чтобы сломить классовое господство, надо побороть религиозные предрассудки». Отсюда вывод — прежде надо развернуть антирелигиозную пропаганду и покончить с религией, потом уже браться за революцию. И это циничное опощление марксизма выдается за марксистские установки. Так социал-фашистские лидеры, вышвырнутые из Интернационала пролетарских свободомыслящих в 1930 г. на IV конгрессе, пытались использовать пролетарское безбожное движение в целях отвлечения рабочих масс от классовой борьбы с буржуазией.

Глава VI

Строительство социализма и борьба с религией

1. Борьба двух социально-политических систем — капитализма и социализма. Контрреволюционная роль религии в этой борьбе. Религиозные организации капиталистических стран в травле Советского Союза. Реакционная роль религии и религиозных организаций в социалистическом строительстве в СССР.

2. Успехи соц. строительства и выкорчевывание экономических корней религии. Грандиозный размах атеистического движения в СССР.

3. Марксистско-ленинское учение о конце религии в обществе, где отношения людей «будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой» (Маркс). Неправильность и вредность оппортунистического представления об автоматичности отмирания религии по мере выкорчевывания ее экономических корней. Консервативность религиозной надстройки и необходимость ее активного преодоления.

4. Социализм — первая фаза коммунистической формации — и «родимые пятна» капитализма на нем — элементы буржуазного права, разделение умственного и физического труда и т. д. Задерживающее влияние этих пережитков капитализма на процесс отмирания религии.

5. Усиление религиозных настроений среди капиталистических элементов по мере их ликвидации. Стремление классово-враждебных пролетариату элементов оказывать на трудящиеся массы свое разлагающее влияние, в частности по линии заражения их религиозными настроениями. Попытки приспособления религии к новым условиям, ее подчистки и подновления. Пропаганда «христианского социализма». Упрощение обрядовой стороны религии. Богостроительство и богоискательство. Особая вредность и опасность подчищенных религий. Необходимость разоблачения их классовой контрреволюционной сущности.

6. Постановления XVII партийной конференции и задачи борьбы с религией во второй пятилетке. Борьба с религией как борьба за социалистическое перевоспитание трудящихся. Необходимость поднятия антирелигиозной пропаганды на более высокий научный уровень. Борьба на два фронта в антирелигиозной пропаганде.

В настоящий момент, когда идет ожесточенная классовая борьба двух миров: мира загнившего капитала и мира победоносно строящегося социализма, особенно ярко видна контр-

революционная роль всех религий, всех и всяческих религиозных организаций. В капиталистических странах, охваченных небывалым, все растущим кризисом, религия используется империалистами для борьбы против революционного движения пролетариата, против коммунистических партий, против СССР. Церковники принимают самое близкое и непосредственное участие в подготовке к войне против СССР. С высот амвона и церковных кафедр во время богослужений, со страниц религиозной периодической и непериодической печати без конца изливаются потоки гнуснейшей клеветы на СССР.

Несмотря на провал последнего «крестового похода» папы римского против страны Советов, церковники организуют до сих пор еще митинги и собрания по поводу совершающегося якобы преследования религии в СССР, они принимают непосредственное участие в распространении клеветы о демпинге, принудительном труде и т. п. Все это делается с целью запугать «ужасами коммунизма» широкие массы верующих, придушить имеющиеся в широких слоях населения симпатии к СССР, отвлечь трудящихся и особенно миллионы безработных от революционного движения.

В то же время церковь рука-об-руку с фашизмом и социал-фашизмом ведет наступление на рабочий класс. Церковь благословляет фашистский террор и сама непосредственно в нем участвует. Кардинал Зейпель в качестве главы австрийского правительства расстреливал в июльские дни 1927 г. в Вене рабочие массы не хуже Носке и Зевринга. Как же могло быть иначе, когда «благочестивый отец» заявлял открыто, что «бесчеловечна всякая теория, стремящаяся к преобразованию мира посредством уничтожения отношений труда и капитала», «христианину чужды такие доктрины, так как христианин во всем должен видеть перст божий»¹.

Церковь вооружает отсталые массы верующих против коммунистических партий, Красного Профинтерна, против революционных массовых организаций пролетариата. Особенно в настоящий период, когда пришел конец относительной стабилизации капитализма, когда насчитываются десятки миллионов безработных, когда революционный подъем трудящихся масс растет все больше, церковь принимает все меры для поддержки господства капитала. Сказка о страдавшем христе должна притушить протест голодных рабочих. Папа римский убеждал по радио бедняков не пренебрегать «при-

¹ См. доклад Зейпеля, — Труд и капитал с точки зрения христианина.

обретением духовного богатства, которое дается гораздо легче, чем богатство земное».

Такую же контрреволюционную роль играет религия и в стране строящегося социализма. Ликвидируемый класс кулаков, остатки бывших эксплуататорских классов, разные «бывшие» люди — все они ведут контрреволюционную работу, чаще всего прикрываясь религией и используя ее как орудие контрреволюции. Религиозные организации нередко являются штабами контрреволюционных заговоров, нити которых, как показали процессы меньшевиков и «промпартии», тянутся за границу, к главному штабу мировой контрреволюции.

Религиозные организации являются агитпропами врагов социализма. Распространением слухов о приближающейся кончине мира, распространением «божьих» писем, угрожающих колхозникам, фабрикацией чудес с обновлением икон, с исцелением больных — церковники и сектантские проповедники, являющиеся агентами кулачества, пытаются затормозить коллективное строительство, дело хозяйственно-организационного укрепления колхозов, пытаются срывать посевные, уборочные, хлебозаготовительные и другие кампании.

Вот например, что писало кулачье в одном таком «божьем письме», распространявшемся в Ровенецком районе, в Донбассе: «Я — господь бог ваш и говорю вам: настал момент, когда дьявол запутывает народ в сети свои — в колхозы. Тот, кто не соблазнится колхозами, — спасется; всех же колхозников уничтожу в ближайшие дни. А также уничтожу тех, кто не будет носить крестов на груди своей».

Религия бьет сильно и по производительности труда на предприятиях. Там, где слабо ведется антирелигиозная работа, увеличиваются обычно прогулы во время так называемых «рождества» и «пасхи». Имеются такие предприятия, на которых прогулы во время «пасхи» 1931 г. достигали 40 проц. всех рабочих. Наоборот, там, где хорошо поставлена антирелигиозная работа, рабочие выходили на работу полностью на 100 проц. Наносят большой вред хозяйству страны и разные малые праздники: николины, егорьевы, петровы и т. п. дни. Все эти поповские дни, на празднование которых отстальные крестьяне убивают 2—3 дня, наносят в общей сложности громаднейший ущерб сельскому хозяйству. Приведенные примеры и многие другие факты показывают, что антирелигиозная работа имеет выдающееся производственное значение, является одним из ударных участков борьбы за социалистическое строительство.

Религия, освящающая старые устои жизни, старый быт,

рабское положение женщины в семье, представляет собой величайший тормоз в борьбе за культурную революцию, за распространение среди миллионов трудящихся действительных научных знаний. Вот почему необходимо развернуть антирелигиозную работу в самых широких размерах.

Успешное проведение в жизнь пятилетки, внедрение планового начала в общественное хозяйство, успехи в деле сознательного регулирования общественного хозяйства—все это воспитывает в человеке члена социалистического общества, все это обуславливает ломку старого, рабского мировоззрения, обуславливает отход от религии миллионов. Только в стране, где власть завоевана трудящимися и где они строят новую жизнь, возможен такой грандиозный размах атеистического движения. Это сказывается, разумеется, в первую очередь на работе Союза воинствующих безбожников.

Но это отнюдь не означает, что с религией все уже покончено и что не надо поэтому вести никакой антирелигиозной пропаганды.

Как же происходит процесс отмирания религии? Что поддерживает ее существование и что ускоряет ее конец в переходный период? В общей форме марксистско-ленинское учение о конце религии сводится к следующему.

С исчезновением эксплуататорских «превратных» экономических отношений должно исчезнуть в сознании людей и фантастическое отражение этих отношений, должна отмереть и религия. Классическую формулировку отмирания религии дает Маркс в I томе «Капитала»: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической, повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое, туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным и планомерным контролем».

О конце религии Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»:

«Простого познания, хотя бы это шло дальше и глубже знания буржуазной экономии, недостаточно, чтобы подчинить обществу общественные силы. Для этого необходимо прежде всего общественное действие. И если предположить, что это действие воспоследовало и что общество путем вступления во владение всей совокупностью средств производства и планомерного их употребления освободило себя самого и всех своих членов от того рабства, в котором они до сих

пор находятся благодаря ими самими произведенным, но противостоящим им, в качестве непреодолимых внешних сил, средствам производства, т. е. если предположить, таким образом, что человек не только еще замышляет обладать, но и действительно располагает общественными силами, то лишь в таком случае исчезнет последняя внешняя сила, до сих пор еще отражающаяся в религии, а вместе с тем и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать».

Эти положения марксизма легли и в основу 13-го параграфа программы ВКП(б), именно того места, в котором говорится об отмирании религии. В программе партии сказано: «Лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собою полное отмирание религиозных предрассудков».

Таким образом полная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще во вторую пятилетку, внедрение планового начала во всю общественно-хозяйственную деятельность масс выкорчует в основном экономические корни религии.

Но это не означает, что религиозные предрассудки отомрут сразу же после этого сами собой. Неправильно было бы представлять, что отмирание религии пойдет везде и всюду по нисходящей кривой, без всяких задержек и даже временного усиления религиозных настроений в отдельных районах среди некоторых наиболее отсталых слоев трудящегося населения. Вместе с обострением классовой борьбы усиливается и контрреволюционная работа религиозников, пытающихся использовать малейшие трудности социализма для разжигания религиозного фанатизма среди отдельных групп верующих трудящихся.

Социалистическое общество является первой фазой коммунизма, т. е. является таким обществом, как об этом писал Маркс в своей «Критике Готской программы», «которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном — носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло». Раз остаются еще «родимые пятна» капитализма, остаются следовательно причины, которые в той или другой степени задерживают процесс отмирания религии. Маркс говорит в приведенном отрывке об экономических пережитках. Что же они представляют собою? В социалистическом обществе еще не может быть организации труда и распределения по формуле «каждому по потребностям, от каждого по способностям». Эта формула

найдет свое полное осуществление только во второй фазе коммунизма. В первой стадии коммунизма остается еще в действии буржуазное право распределения в соответствии с затраченным трудом. Лассаль называл это право «равным» правом, считая, что это есть социалистический идеал, «справедливое распределение» и т. д. Маркс разъяснил его ошибку. «Равное право мы здесь действительно имеем, но это еще «буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство. Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу, и поэтому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость».

В самом деле, при таком порядке вещей каждый получает равную долю за равный труд. Но один оказывается слабее и не может столько работать, как другой, один женат и имеет большую семью, другой одинок.

«При равном труде, — пишет далее Маркс, — следовательно при равном участии в общественном потребительном фонде, — один получает на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным». В социалистическом обществе не будет еще также полностью уничтожено различие между физическим и умственным трудом. Разумеется, эти экономические отношения, оставшиеся от предыдущей формации, должны задерживать процесс отмирания религии. Но дело в том, что влияние этих факторов будет уничтожаться всей социалистической обстановкой в целом. Одно дело — их действие в капиталистическом обществе, и совсем другое — при социализме.

В условиях капитализма «буржуазное право» на получение продуктов труда осуждало на нищету и полуголодное существование работника, обремененного большой семьей. При социализме же этого не будет. На помощь приходят общественность и органы государства. То же самое происходит и в случае болезни, лишаящей возможности работать. Социалистическая экономика не может порождать чувства одиночества, забитости, беспомощности — этих предпосылок для религиозных настроений, порождаемых взаимоотношениями людей при капитализме.

Остановимся несколько на вопросе о разделении труда на физический и умственный. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подробнейшим образом рассматривают влияние разделения труда на возникновение идеализма и религии. Но основоположники марксизма подчеркивают при этом одну

особенность. Это разделение труда вело к господству общественных отношений над человеческим обществом и человеком. Создавались непреодолимые грани, разделенный труд абсолютизировался, что и вело к фантастическому отражению подобных отношений в форме религии. Пережитки капиталистической экономики при социализме в виде различия между физическим и умственным трудом легко преодолимы и все больше и больше стираются. С мощным развитием техники разница между физическим и умственным трудом окончательно исчезает. Мощное развитие техники доставляет в то же время человеческому коллективу величайшую победу над природой и ее стихийными силами. Бессилие человеческого общества перед природой, то, что порождало и укрепляло в предыдущих формациях религию, не может иметь места уже в первой фазе коммунизма, уже при капитализме оно играло второстепенную роль. Значительно сильнее, безусловно, будет сказываться влияние исторических и гносеологических корней религии, хотя для них уже не будет соответствующей экономической обстановки. Но они действуют как пережитки.

Вот почему необходимо безбожникам развернуть в широчайших размерах борьбу за новый, социалистический быт, за новые уклады жизни, уничтожающие исторические корни религии. В борьбе против влияния гносеологических предпосылок религии большую роль безусловно сыграет пропаганда диалектического материализма. Если раньше общественные отношения всячески мешали процессу диалектического усвоения действительности, то социалистические отношения, наоборот, будут закреплять и развивать этот процесс, дадут полную свободу и предоставят все возможности для диалектико-материалистического, то-есть научного, восприятия и изучения действительности.

Но необходимо помнить, что отход от религии трудящихся масс не является простым отказом от старых религиозных воззрений, одновременно с этим происходит усвоение новых взглядов на мир, научного понимания природы и общества. На основе научного подхода к миру подвергается критике старый, религиозный подход. Отход от религии — это есть процесс смены религиозного мировоззрения мировоззрением диалектико-материалистическим. Вот почему мы должны все время ставить вопрос об укреплении и развитии антирелигиозной работы, о развертывании самой широкой пропаганды диалектического материализма.

До сих пор мы рассматривали вопрос о религии в отношении пролетариата и трудящихся. Но что будет происходить

с ликвидируемыми капиталистическими элементами? Нет никакого сомнения, что социально-экономические отношения социалистического общества должны на них действовать в обратном направлении, чем на трудящиеся массы. Ликвидация капиталистических элементов, политическое воздействие на них пролетарского государства — все это будет конечно соответствующим образом действовать на их психологию. Нет сомнения, что среди них мы будем иметь усиление религиозных настроений. В ожесточенной классовой борьбе против социалистического строительства эти враждебные пролетариату элементы попытаются, как они уже и делали, использовать до конца религию, религиозные предрассудки отсталых трудящихся масс, еще не успевших освободиться от гнета религии.

Какими же путями пойдет это воздействие на трудящиеся массы этих классово-враждебных пролетариату элементов? Изучение классовой борьбы, которую вели в течение 15 лет Октябрьской революции враги социализма под флагом религии, показывает, в каком направлении будут и дальше действовать классово-враждебные элементы, орудя религией и прикрывая ею свою контрреволюционную деятельность.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин писал: «В высшей степени характерно, как утопающий хватается за соломинку, какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искусственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма (т. е. для религии. — А. Л.), который порождается в низах народных масс невежеством, забитостью и нелепой дикостью капиталистических противоречий». То, что написано Лениным по поводу богостроительства и богоискательства, по поводу толстовства и других видов сектантства, по поводу «попов без рясы», «попов без грубой религии», — все это получает особое актуальное значение в настоящее время, когда в процессе отмирания религии, в условиях и обстановке ожесточенной классовой борьбы происходит использование религии классовым врагом самыми различными способами.

«Подновления» и «изменения» в религии идут по разным направлениям. Это зависит, и в дальнейшем будет зависеть, от того, в каких социальных группах и прослойках действуют попы и сектантские проповедники. Процесс отмирания религии есть в то же время процесс распада ее на всевозможные группы, течения и течения. При этом, если, с одной стороны, имеет место «подчищение» и «подновление»

религии, чтобы тоньше, лучше и незаметнее совершать разлагающую работу среди трудящихся изнутри, то, с другой стороны, возможны и даже неизбежны проявления дикого изуверства на религиозной почве. И то и другое мы наблюдали уже в течение 15 лет соввласти. Во всех религиях — и в православии, и в мусульманстве, и в ламаизме, и в других — появились свои «обновленческие» течения. «Обновленцы» пытаются переокрасить свою религию в красный цвет. Православные обновленцы заявляют о коммунизме древнеапостольского христианства, ссылаясь при случае на социал-фашистского попа Каутского. В Западной Европе такие попытки были уже давно.

Все эти обновленческие попытки не что иное как тактический подход классового врага к верующим-трудящимся. Все это — попытки пролезть в стан пролетариата и изнутри вести разлагающую работу.

Вымышленный социализм разных христов, магоматов и будд, оказывается, как объясняют те же попы, социализмом без классовой борьбы, без диктатуры пролетариата.

Сейчас имеются такие случаи, когда отсталые слои колхозников, не освободившиеся от пут религии, заявляют, что они не хотят кулацкого попа, что им нужен поп колхозный. Они не понимают того, что поп, хотя бы и не выступающий открыто против колхоза, все-равно является проводником контрреволюционной идеологии, все-равно отравляет сознание антимарксистскими, антинаучными взглядами на природу и общество, проводит идеологию, которая совершенно несовместима с идеологией революционного пролетариата, с практикой социалистического строительства.

Другой путь, по которому идет отмирание религии, это — упрощение обрядовой стороны религии, отказ от тех или других ее культовых форм. Этому будет способствовать между прочим то обстоятельство, что церковь, как определенная организация, и служители культа по найму, по профессии исчезнут гораздо ранее, чем сама религия.

Но отсюда вовсе не следует, что обрядовая сторона религии отомрет скорее, чем религиозное мировоззрение. Религиозные обряды и традиции будут еще существовать как пережитки старины в отсталых слоях трудящихся.

Наконец, вместе с обострением классовой борьбы при окончательной и полной ликвидации капиталистических элементов необходимо ждать появления всевозможных изуверских сект, открытых контрреволюционных выступлений поповщины. Примеры подобных сект мы уже имеем: краснодраконовцы, федоровцы, секта Дмитрия Шульца и др.

Юродивые, идиотки, безногие, калеки, косноязычные — всем этим пользуется контрреволюция в своих целях. Ликвидируемые капиталистические элементы выделяют и будут выделять еще в большом количестве разных «божьих» странников, юродивых и блаженных, которые под флагом религиозной проповеди несут самую оголтелую контрреволюцию в остальные слои колхозников, единоличников и рабочих.

В качестве примера можно привести случай использования в качестве святой попами в Ивановской области бывшей помещицы Меркуловой. Было это 2—3 года назад. Меркулова болела ногами, что и было использовано. Она начала фигурировать в качестве «святой Веры безногой». В Черкизове, под Москвой, «подвизалась вплоть до 1932 г. идиотка, тетя Поля». Ее ловко использовали контрреволюционные элементы из бывших людей, в компании с одним епископом и несколькими попами, в качестве «прозорливицы». Помимо контрреволюционной работы вокруг этой «прозорливицы», ее использовали и в прямом материальном отношении. К новоявленной еще при жизни «святой» приходили верующие с подарками не из одной только Московской области, но и из более отдаленных мест.

Закрытие церквей, снятие попами по профессии своего сана еще вовсе не означает, что с религией все покончено, что не нужна больше антирелигиозная пропаганда. Подобный взгляд есть не что иное как правый оппортунизм. В конечном итоге дело не в самой церкви, не в официальном попе, — дело в самой религиозной идеологии, которая глубоко враждебна идеологии пролетариата, враждебна социализму. Пока будет существовать религия, всегда найдутся попы, только вместо попов по профессии будут попы по убеждению. Ленин не раз подчеркивал, что поп без рясы, поп по внутреннему убеждению еще более омерзительнее, чем поп по профессии. В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин ставит Толстому в вину «стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины». Ленин неоднократно указывал, что всякие «подчищенные» и «подновленные» религии являются наиболее утонченным и изощренным классовым орудием буржуазии. Против религиозного обновленчества должна вестись такая же беспощадная борьба, какую ведет марксизм-ленинизм против всякой религии. Ленин в письме к Горькому писал:

«Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства, или боготворчества и т. п. ничуть не

больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего». «Всякий боженка есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженка, все-равно».

Все это необходимо твердо помнить и неустанно бороться против правооппортунистических извращений ленинской линии в форме примиренчества к тем или другим «подчищенным» религиям, в форме отказа от антирелигиозной работы. Но так же необходимо бороться и со всякими «левыми» загибами и наскоками.

Энгельс решительно выступил против Дюринга, написавшего, что при социализме можно будет запретить религию. Энгельс пишет, что при социализме религия отомрет, потому что религия есть фантастическое отражение таких общественных отношений, которых уже не будет при социализме. Но религия отомрет не сама по себе, но при условии широкого и боевого развертывания антирелигиозной пропаганды; всякие же запреты придали бы ей в глазах верующих только ореол мученичества и обеспечили бы ей тем самым более продолжительное существование.

Историческое решение XVII партконференции о второй пятилетке является программой широчайшего развертывания антирелигиозной пропаганды.

Основная политическая задача второй пятилетки — построение бесклассового социалистического общества — разрешается не только полной ликвидацией капиталистических элементов и классов вообще, не только полным уничтожением причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, но и одновременно с этим социалистическим перевоспитанием всего трудящегося населения — преодолением пережитков капитализма в сознании людей. Социалистическое перевоспитание трудящихся масс, воспитание «новой дисциплины» содержит в себе как составную часть антирелигиозное воспитание.

Религия является упорнейшим и наиболее консервативным пережитком эксплуататорского мира.

Религия тесно переплетается со всеми другими идеологиями капиталистического общества, питается сама и поддерживает в свою очередь настроения и психику, свойственные капиталистическому строю. Религии представляют собою громадные арсеналы идей и настроений, поддерживающих мелкособственническую психологию, мелкобуржуазные тенденции и стремления.

Вот почему мы должны развернуть во вторую пятилетку антирелигиозную пропаганду в широчайших размерах.

В соответствии с решениями XVII партконференции, с решениями январского пленума ЦК и ЦКК 1933 г. мы должны перестроить антирелигиозную работу, непримиримо борясь как с правым уклоном, главной опасностью на антирелигиозном фронте, так и с «левыми» загибами. Мы уже сейчас имеем выступления, которые нельзя не охарактеризовать как правоуклонистские. В связи с тем, что в социалистическом обществе религия должна отмирать, высказываются взгляды, что собственно антирелигиозная пропаганда становится уже лишней, что СВБ уже не нужен в тех районах, где все церкви закрыты. Здесь имеет место самое безграмотное отождествление религии и церкви, непонимание того, что зло заключается в самой религии как определенной идеологии.

В то же время высказываются взгляды, как кажется на первый взгляд, противоположного характера. Некоторые говорят, что можно ускорить процесс отмирания религии путем административных мер. Здесь мы имеем такое же, как и у правых уклонистов, нежелание вести антирелигиозную пропаганду, боязнь того труда, которого требует серьезно поставленная антирелигиозная пропаганда, упорная работа в широчайших массах по внедрению марксистско-ленинского мировоззрения, работа по разрушению религиозного мировоззрения.

Перед нами стоит задача развернуть антирелигиозную пропаганду в широчайших размерах и в то же время поднять ее на более высокий научно-теоретический уровень, связать ее с пропагандой положительных научных знаний, с пропагандой последних достижений науки и техники.

Важнейшие социально-экономические сдвиги в нашей стране, громаднейшие технические победы — все это у миллионов трудящихся ломает старые, прадедовские религиозные взгляды на жизнь, на природу и общество. Необходимо широко развернутой пропагандой диалектического материализма, пропагандой атеизма помочь миллионным массам трудящихся материалистически осмыслить происходящее вокруг них, помочь им в выработке стройного диалектико-атеистического мировоззрения. Перед нами стоит задача мобилизовать все научные и общественные силы на борьбу с религией, с этим злостным и упорнейшим пережитком капитализма в сознании людей, с таким пережитком, который поддерживает и освящает от имени несуществующего бога все другие пережитки старого гибнущего мира.

Оглавление

I. Марксистско-ленинское понимание религии	3
II. Диалектический материализм как философское обоснование атеизма	15
III. Религия доклассового общества	22
IV. Религия классового общества	46
V. Буржуазный и пролетарский атеизм	69
VI. Строительство социализма и борьба с религией	80

Handwritten text, partially visible on the right edge of the page.

Цена 1 р. 40 к.
Пер. 50 коп.

5890

2015202278